

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ

ПИСЬМО ОТ РУСАЛКИ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ОТ «ШВЕДСКОЙ АГАТЫ КРИСТИ»
ТОП-10 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ

22 миллиона экземпляров книг
в 60 странах на 30 языках

Фьельбака / Патрик Хедстрём

Камилла Лэкберг

Письмо от русалки

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Лэкберг К.

Письмо от русалки / К. Лэкберг — «Эксмо»,
2008 — (Фьельбака / Патрик Хедстрём)

ISBN 978-5-04-166227-1

Бестселлер от звезды шведского детектива! Сбылась мечта Кристиана Тюделя: с большим успехом вышел в свет его дебютный роман «Русалка». Но почему же он подавлен и замкнут, как никогда? Его знакомая Эрика Фальк узнала, что с некоторых пор тот стал получать странные пугающие письма. Тем временем бесследно исчезает Магнус, лучший друг Тюделя, а чуть позже его нашли на побережье убитым и вмерзшим в лед. Муж Эрики, детектив Патрик Хедстрём, берется за расследование этого жуткого дела. Он выяснил, что такие же угрозы получали трое ближайших друзей Кристиана, в том числе и Магнус. Но на все вопросы оставшиеся в живых наотрез отказываются отвечать. Чем вызвано их странное молчание? И какой секрет они так упорно хранят, не боясь за собственную жизнь? Нужно найти разгадку, пока не стало слишком поздно...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-166227-1

© Лэкберг К., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

59

Камилла Лэкберг

Письмо от русалки

Посвящается Мартину:

«I wanna stand with you on a mountain»

Camilla Läckberg
Sjojungfrun

* * *

© Camilla Läckberg, 2008. Published by arrangement with Nordin Agency AB and OKNO Literary Agency, Sweden

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2015

Пролог

Он знал, что рано или поздно все снова всплывет на поверхность. Такое не скроешь. Каждое слово подводило его все ближе к ужасному, невысказанному. К тому, что он в течение стольких лет пытался вытеснить из сознания.

У него больше не было сил сопротивляться неизбежному. Вдыхая свежий утренний воздух, он зашагал быстрым шагом. Сердце отчаянно билось в груди. Он не хотел идти туда, однако понимал, что должен это сделать. Поэтому он решил положиться на волю случая. Если кто-нибудь окажется дома, он все расскажет. Если же ему никто не откроет, он отправится на работу как ни в чем не бывало.

Но дверь открылась, когда он постучал. Он вошел, сощурившись при странном освещении. Нет, не ее он ожидал здесь увидеть, а совсем другого человека.

Ее длинные волосы ритмично рассыпались по спине, когда он последовал за ней в гостиную. Он начал говорить, задал свой вопрос. Мысли кружились в голове. Все оказалось не так, как он ожидал. Все неверно – и вместе с тем все правильно.

Внезапно он смолк. Что-то с силой ударило его под диафрагму, так что речь прервалась на полуслове. Он опустил глаза, увидел кровь, которая начала сочиться из раны, когда нож выскользнул из нее. Затем еще один удар – и новая боль. И острый предмет, движущийся в его теле.

Он понял, что все кончено. Он достиг последнего рубежа, хотя ему еще так много оставалось сделать, увидеть, пережить. Однако во всем этом была своя справедливость. После всего содеянного он не заслуживал той жизни, которою жил, той любви, с которой к нему относились.

Когда все его чувства притупились от боли, когда нож замер неподвижно, нахлынула вода. Покачивание лодки на волнах. И когда холодное море приняло его в свои объятия, он уже ничего не чувствовал.

Последнее, что он видел, были ее волосы. Ее длинные темные волосы.

– Прошло уже три месяца! Почему вы до сих пор его не нашли?

Патрик Хедстрём посмотрел на женщину, сидевшую перед ним. С каждой встречей она выглядела все более изможденной. Каждую неделю приходила в полицейский участок в Танумсхеде, каждую среду появлялась здесь – с тех пор, как в начале ноября пропал ее муж.

– Мы делаем все, что от нас зависит, Сия. Ты прекрасно это знаешь.

Та кивнула, не сказав ни слова. Ее руки, лежавшие на коленях, чуть заметно дрожали. Затем она подняла на него глаза, полные слез. Это зрелище Патрик тоже наблюдал не впервые.

– Он не вернется, да?

Теперь и голос у нее дрожал, и Патрик подавил в себе желание подняться, обойти вокруг стола и обнять эту хрупкую женщину. Приходится вести себя как подобает профессионалу – хотя это противоречит его инстинкту защитника. Патрик подумал, как лучше ответить на ее вопрос.

– Нет, боюсь, что нет, – проговорил он наконец с глубоким вздохом.

Она больше ни о чем не спросила. Однако Патрик понял, что его слова подтвердили страшную догадку Сии Кельнер. Ее муж никогда больше не вернется домой. Третьего ноября Магнус встал в половине седьмого, принял душ, оделся, помахал на прощание детям и жене. Около восьми его видели выходящим из дома – судя по всему, он направлялся на работу в фирму «Окна Танум». Куда он девался потом, никто не знал. Коллега, который обычно подвозил его до работы, так и не дождался его в тот день. Где-то на пути между своим домом у стадиона и домом коллеги возле площадки для мини-гольфа в поселке Фьельбака он бесследно исчез.

Они проанализировали всю его жизнь. Заявили о розыске, разослали его фотографию, опросили более пятидесяти человек – тех, кто был связан с ним по работе, а также друзей и родных. Искали долги, от которых он мог сбежать, тайных любовниц, растрату казенных денег – все, что угодно, что могло бы хоть как-то объяснить, почему преуспевающий сорокалетний мужчина, имеющий жену и двух детей-подростков, в один прекрасный день необъяснимым образом исчез. Однако им ничего не удалось обнаружить. Ничто не указывало на то, что он уехал за границу, и все деньги на их с женой совместном банковском счете остались в целости и неприкосновенности. Магнус Кельнер просто растворился в воздухе.

Проводив Сию, Патрик осторожно постучал в дверь кабинета Паулы Моралес.

– Войдите! – услышал он, вошел и прикрыл за собой дверь.

– Опять жена?

– Да, – вздохнул в ответ Патрик и опустился на стул перед письменным столом Паулы. Он положил было ноги на стол, но, поймав гневный взгляд хозяйки кабинета, поспешно опустил их.

– Ты думаешь, он мертв?

– Боюсь, что да, – проговорил Патрик. Впервые он произнес вслух те опасения, которые возникли у него вскоре после исчезновения Магнуса. – Мы проверили все. У этого парня не было причин, по которым люди обычно решают исчезнуть. Похоже, он просто вышел из дому и... пропал!

– Но труп-то не нашли!

– Да, трупа не нашли, – кивнул Патрик. – Да и где его искать? Мы не можем процедить море или прочесать весь лес в районе Фьельбаки. Остается только сидеть и надеяться, что кто-нибудь случайно обнаружит его. Живого или мертвого. На сегодняшний день я просто не представляю, как нам работать дальше по этому делу. Даже не знаю, что говорить Сие, которая приходит каждую неделю и ожидает, что мы порадуем ее успехами.

– По-моему, она просто пытается как-то справиться с ситуацией – хоть что-нибудь предпринимать, а не просто сидеть дома и ждать вестей. Я, например, точно сошла бы с ума от бездействия. – Паула бросила взгляд на фотографию в рамке, стоявшую рядом с компьютером.

– Понимаю, – пробормотал Патрик. – Но мне от этого несколько не легче.

– Ясное дело.

В маленьком кабинете повисла пауза, и Патрик поднялся.

– Будем надеяться, что он найдется. Так или иначе.

– Да уж, будем надеяться, – тихо повторила Паула, но ее голос звучал столь же безнадежно.

* * *

– Толстуха!

– Сама-то хороша! – усмехнулась Анна, с многозначительным видом кивнув на живот сестры.

Повернувшись боком к зеркалу и глянув на свое отражение, Эрика Фальк вынуждена была согласиться с ней. Боже, что за зрелище! Огромный живот, а к нему сбоку приделана Эрика. И чувствовала она себя соответственно. По сравнению с ее нынешним состоянием она являла чудеса гибкости в прошлый раз, когда ждала Майю. Впрочем, на этот раз все по-другому – в животе у нее два малыша.

– Честно говоря, я тебе не завидую, – проговорила Анна с прямой младшей сестры.

– Спасибо на добром слове, – усмехнулась Эрика и толкнула ее животом. Анна тоже толкнула ее, в результате чего обе потеряли равновесие. Размахивая руками в воздухе, пытаясь устоять на ногах, они расхохотались и плюхнулись на пол.

– Просто издевательство какое-то! – проговорила Эрика, вытирая слезы в уголках глаз. – Разве может живой человек так выглядеть? Я словно персонаж из мультика, проглотивший воздушный шар.

– Да уж, я безумно благодарна тебе за близнецов. На твоём фоне я чувствую себя просто тростинкой.

– Пожалуйста, – ответила Эрика и попыталась встать, но безуспешно.

– погоди, я тебе помогу, – сказала Анна, однако и она не смогла справиться с законом всемирного тяготения и снова тяжело плюхнулась на пол.

Посмотрев друг на друга, они хором выкрикнули:

– Дан!

– Я здесь, в чем дело? – донесся голос с нижнего этажа.

– Мы не можем подняться! – крикнула Анна.

– Что ты сказала? – переспросил Дан.

Сестры услышали, как он поднимается по лестнице в спальню, где они находились.

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил Дан с улыбкой, увидев свою жену и свояченицу на полу перед зеркалом.

– Мы не можем подняться, – ответила Эрика с таким достоинством, какое только было возможно в сложившейся ситуации, и протянула руку.

– Сейчас-сейчас, только схожу за вилочным погрузчиком, – ответил Дан, делая вид, что снова собирается выйти из комнаты.

– Послушай, шутки в сторону, – буркнула Эрика, а Анна расхохоталась так, что откинулась на спину.

– Хорошо, попробую так, авось получится, – кивнул Дан. Он взял Эрику за руку и потянул. – Раз-два, взяли!

– Можно без звуковых эффектов? – пробормотала Эрика, с трудом поднимаясь на ноги.

– Черт, какая же ты стала огромная! – воскликнул Дан, и Эрика шлепнула его по руке.

– Ты уже говорил мне это раз сто, и ты далеко не единственный. Может, тебе перестать муссировать эту тему и переключиться на свою собственную толстуху?

– Да я с удовольствием!

Дан помог подняться Анне и, воспользовавшись случаем, поцеловал ее в губы.

– Идите-ка вы домой, – усмехнулась Эрика и легонько толкнула Дана в бок.

– А мы у себя дома, – ответил Дан и снова поцеловал Анну.

– Хорошо, тогда, может быть, вернемся к тому делу, по которому я пришла? – сказала Эрика и направилась к платяному шкафу сестры.

– С чего ты взяла, что я смогу помочь тебе? – пожала плечами Анна и, покачиваясь, двинулась за сестрой. – Вряд ли у меня найдутся тряпки, которые на тебя налезут.

– Ну, и что же мне прикажешь делать? – проговорила Эрика, перебирая пальцем вешалки с одеждой. – Прием по поводу выхода книги Кристиана сегодня вечером, мне остается только напаялить на себя игрушечную палатку Майи.

– Ну ладно, что-нибудь мы обязательно найдем. Брюки, которые на тебе, выглядят очень неплохо, а у меня найдется блузка, которая, возможно, на тебя сядет. Мне она, по крайней мере, великовата.

Анна извлекла из шкафа лиловую тунику с вышивкой. Эрика сняла с себя футболку и с помощью Анны натянула тунику через голову. Натягивать ее на живот было все равно что вручную набивать рождественскую колбасу, но в конце концов все получилось. Повернувшись к зеркалу, Эрика окинула себя критичным взглядом.

– Ты великолепна! – сказала Анна, и Эрика пробурчала в ответ что-то нечленораздельное.

При ее нынешних габаритах ни о каком великолепии речи быть не могло, однако сейчас она, во всяком случае, выглядела пристойно и даже нарядно.

– Пойдет, – сказала Эрика и попыталась сама снять с себя тунику, но вскоре отчаялась и позволила Анне ей помочь.

– А где будет мероприятие?

– В «Гранд-отеле».

– Как мило, что издательство устраивает прием ради дебютанта, – проговорила Анна и двинулась в сторону лестницы.

– Они просто в восторге. И объемы продаж для дебютного романа очень хороши, так что издательство радо устроить по этому случаю мероприятие. Да и пресса не обходит его вниманием, как сказала мне директор.

– А что ты сама думаешь по поводу этой книги? Тебе она наверняка пришлась по вкусу, иначе ты не стала бы рекомендовать ее издательству, не так ли? Она действительно хороша?

– Она... – Эрика задумалась, осторожно спускаясь по лестнице вслед за сестрой. – Она завораживающая. Мрачная и красивая, тревожная и сильная... да, завораживающая – пожалуй, самый подходящий эпитет.

– Кристиан, наверное, на седьмом небе от счастья?

– Да... ну да, – задумчиво протянула Эрика, привычно загружая кофеварку на кухне. – Само собой. Хотя...

Она замолчала, чтобы не сбиться со счета, отмеряя ложкой количество кофейного порошка.

– Он ужасно обрадовался, когда книгу приняли, но теперь создается впечатление, что работа над книгой что-то в нем разбередила. Трудно сказать, в чем тут дело, – я ведь не особо близко с ним знакома. Даже не знаю, почему он обратился именно ко мне, но я, само собой, откликнулась, когда он попросил о помощи. Как-никак у меня есть немалый опыт работы над рукописями, хотя я и не пишу романов. И поначалу дело шло как по маслу. Кристиан все воспринимал позитивно и был открыт для предложений. Но под конец он все чаще замыкался, когда я пыталась что-то с ним обсудить. Трудно объяснить. Думаю, он немного эгоцентрик, и в этом все дело.

– Тогда он нашел себе самую подходящую профессию, – серьезным тоном проговорила Анна, и Эрика обернулась к ней:

– Стало быть, я не только толстуха, но еще и эгоцентрик?

– И еще ты рассеянная, – добавила Анна и кивнула в сторону только что включенной Эрикой кофеварки. – Не мешает налить в нее воду.

Кофеварка запыхтела в подтверждение ее слов, и Эрика, бросив мрачный взгляд на сестру, поспешно нажала кнопку выключения.

* * *

Все домашние дела она выполняла механически. Обмыла тарелки и вилки, поставила их в посудомоечную машину, достала из мойки объедки, помыла ее щеткой со средством для мытья посуды. Затем намочила тряпку, выжала и провела ею по кухонному столу, собирая крошки и стирая брызги.

– Мама, можно мне пойти к Сандре? – произнесла Элин, выходя на кухню. Упрямое выражение ее лица показывало, что она с самого начала настроена на отказ.

– Ты же прекрасно знаешь, что момент неподходящий. Сегодня вечером к нам придут бабушка с дедушкой.

– Они теперь часто стали у нас бывать. Почему мое присутствие каждый раз так необходимо?

Дочь повысила голос, в нем появились визгливые нотки, которые Сия с трудом переносила.

– Они приходят, чтобы пообщаться с тобой и Людвигом. Ты ведь понимаешь, что они очень расстроятся, если вас не окажется дома.

– Скучища смертная! Бабушка каждый раз начинает плакать, а дедушка велит ей перестать. Я хочу пойти к Сандре! Все остальные собираются у нее.

– Ты, наверное, немного преувеличиваешь? – проговорила Сия, прополаскивая тряпку и вешая ее на кран. – Не думаю, чтобы «все» собрались у Сандры. Ты пойдешь к ней в другой день, когда у нас не будет в гостях дедушки с бабушкой.

– Папа освобождал меня от этой повинности.

Сие показалось, что кто-то сдавил ее легкие. Она не в состоянии это выносить. У нее нет сил бороться со злостью и упрямством. Магнус знал, как обращаться с Элин, как справляться с такими ситуациями. А она не умеет. Во всяком случае, теперь, когда она одна.

– Папы сейчас здесь нет.

– А где же он тогда? – выкрикнула Элин, и слезы потекли по ее щекам. – Он что, сбежал от нас? Наверное, ему надоели твои бесконечные придирки. Старая дура!

Все мысли вдруг замерли в голове у Сии – словно все звуки исчезли и мир вокруг заволокло серым туманом.

– Он умер.

Собственный голос показался ей чужим, будто говорила не она, а кто-то незнакомый.

Элин уставилась на нее.

– Он умер, – повторила Сия. Странное спокойствие охватило ее; казалось, она парила где-то в воздухе над собой и дочерью, наблюдая эту сцену со стороны.

– Ты лжешь! – выпалила Элин. Ее грудь вздымалась, словно она только что пробежала марафонскую дистанцию.

– Я не лгу. Полиция предполагает, что дело обстоит именно так. И я знаю, что так и есть.

Услышав, как ее голос произносит эти слова, она вдруг осознала истину. Все это время она отказывалась верить в очевидное, цепляясь за надежду. Но суровая правда заключалась в том, что Магнус мертв.

– Откуда ты это знаешь? И откуда полиция может это знать?

– Он никогда не бросил бы нас.

Элин замотала головой, словно пытаясь отогнать от себя эту мысль. Но Сия видела, что дочь думает о том же самом – Магнус не мог уйти от них.

Сделав несколько шагов вперед, Сия обняла дочь. Элин поначалу упиралась, но потом вдруг обмякла в ее объятиях, словно сделалась маленькой. Дочь разрыдалась, Сия нежно погладила ее по волосам.

– Тс-с-с! – проговорила женщина успокаивающе, чувствуя, как у нее каким-то необъяснимым образом прибавилось сил, когда дочь ослабела. – Хорошо, пойдешь к Сандре, я постараюсь все объяснить бабушке с дедушкой.

Сия осознала, что отныне все решения придется принимать ей.

* * *

Кристиан Тюдель разглядывал свое отражение в зеркале. Временами он и сам не знал, как относиться к собственной внешности. Ему стукнуло сорок. Годы пронеслись незаметно, и теперь перед ним стоял не просто взрослый мужчина, а человек с первой проседью на висках.

– До чего ты хорош!

Кристиан вздрогнул, когда Санна возникла у него за спиной и обняла за талию.

– Ты меня напугала. Нельзя же так незаметно подкрадываться!

Он высвободился из ее объятий и, прежде чем обернуться, успел заметить в зеркале выражение разочарования на ее лице.

– Прости, я не хотела, – проговорила она, садясь на кровать.

– Ты тоже отлично выглядишь, – сказал он и ощутил новые угрызения совести, увидев, как ее глаза засияли от этого маленького комплимента. Вместе с тем его все это раздражало. Он терпеть не мог эту ее манеру вести себя, как щенок, виляющий хвостом при каждом знаке внимания со стороны хозяина. Жена была на десять лет моложе его, но иногда ему казалось, что на двадцать.

– Помоги мне с галстуком.

Кристиан шагнул к жене, она поднялась и привычным движением завязала узел галстука. Все вышло превосходно с первой же попытки, и она сделала шаг назад, разглядывая свое произведение.

– Сегодня тебя ждет сногшибательный успех!

– Гм... – проговорил он, не зная, что ответить.

– Мама, Нильс меня бьет!

Мелькер ворвался в комнату, словно за ним гналась стая разъяренных волков, и схватился не помытыми после еды руками за первый надежный предмет, попавшийся ему на пути, – отцовскую ногу.

– Проклятье! – воскликнул Кристиан и резко оттолкнул своего пятилетнего сына. Но было уже поздно. На обеих брючинах чуть выше колен остались отчетливые следы кетчупа. Невероятным усилием воли Кристиан попытался взять себя в руки. В последнее время ему это не всегда удавалось.

– Ты что, не можешь присмотреть за детьми? – прошипел он и начал демонстративно расстегивать брюки, чтобы переодеться.

– Эти пятна легко оттираются, я уверена, – выдавила из себя Санна, пытаясь догнать Мелькера, который теперь устремился к родительской кровати.

– И когда же их оттирать, скажи на милость, если уже через час мне надо быть на месте? Мне придется переодеться.

– Но... – проговорила Санна сквозь слезы.

– А ты пока изволь присмотреть за детьми.

Санна, моргая при каждом его слове, как от пощечины, молча сгребла в охапку Мелькера и уволокла его прочь из спальни.

Когда она вышла, Кристиан тяжело опустился на кровать. Уголком глаза он видел себя в зеркале. Мужчина, скрежещущий зубами от злости, одетый в пиджак, рубашку, галстук и кальсоны, ссутулившийся, словно все проблемы мира давили ему на плечи. Он выпрямил спину и выставил грудь вперед. Ну вот, так уже гораздо лучше.

Сегодня его вечер. Этого у него никто не отнимет.

* * *

– Есть какие-нибудь новости?

Йоста Пилот вопросительным жестом приподнял кофейник, увидев Патрика, входящего в крошечную кухоньку полицейского участка.

Патрик кивнул, чтобы тот налил ему кофе, и уселся за стол. Услышав, что в кухне собираются закусывать, Эрнст тоже прибежал и улегся под столом в надежде, что и ему перепадет печенье, которое он с готовностью слизнет своим шершавым языком.

– Вот, – проговорил Йоста, ставя перед Патриком чашку черного кофе и усаживаясь напротив.

– Что-то ты сегодня бледный какой-то, – добавил он, внимательно изучая молодого коллегу.

Патрик пожал плечами:

– Просто немного устал. Майя плохо спит по ночам, и к тому же она что-то часто стала упрямяться в последнее время. А Эрика по понятным причинам совершенно измотана. Так что мне и дома приходится вкалывать.

– А дальше станет еще хуже, – сухо констатировал Йоста.

Патрик рассмеялся.

– Да уж, Йоста, весельчак ты наш, дальше будет еще хуже.

– Стало быть, тебе не удалось узнать ничего нового о Магнусе Кельнере?

Йоста незаметно кинул под стол печенье, и Эрнст радостно забарабанил хвостом по ногам Патрика.

– Ничегошеньки, – вздохнул Патрик и отхлебнул кофе.

– Я видел, что она опять приходила.

– Да, я только что заходил к Пауле, и мы с ней это обсуждали. Ее походы к нам превратились в какой-то навязчивый ритуал. Но что тут странного? Как человеку вести себя, когда муж попросту бесследно исчезает?

– Может быть, нам стоит допросить еще кого-нибудь? – проговорил Йоста и кинул под стол еще одно печенье.

– Кого еще? – спросил Патрик и сам удивился тому, как раздраженно прозвучал его голос. – Мы поговорили со всеми членами семьи, с друзьями, постучались в двери ко всем соседям в районе, где он жил, мы развешали объявления и выступили в местной прессе, призывая всех, кто что-нибудь знает, немедленно сообщить нам. Что еще мы можем сделать?

– Падать духом совершенно не в твоем стиле.

– Согласен. Но если у тебя есть конструктивные предложения, я их с удовольствием выслушаю.

Патрик тут же пожалел, что произнес эти слова таким резким тоном. Впрочем, Йоста, похоже, не обиделся.

– Ужасно надеяться на то, что мы найдем его мертвым, – продолжал Патрик более миролюбивым тоном, – но я совершенно убежден: только тогда мы узнаем, что же произошло. Готов

биться об заклад – он исчез не по собственной воле. Когда есть труп, то, по крайней мере, есть над чем работать.

– Да, ты совершенно прав. Жуткая мысль, что этот парень где-нибудь всплывет или обнаружится в лесу. Но у меня то же чувство, что и у тебя. Должно быть, ужасно...

– Не знать – ты это хотел сказать? – проговорил Патрик и осторожно переставил ноги, которые начали потеть от прижатой к ним горячей собачьей спины.

– Да, ты представь себя в этой ситуации. Каково сидеть и понятия не иметь, куда девался человек, которого ты любишь! Это как с родителями пропавших детей. Есть американский сайт на эту тему. Сотни фотографий и призывов откликнуться. Просто кошмар какой-то!

– Я бы такого просто не пережил, – сказал Патрик. Он представил себе свою непоседу-дочь. Мысль о том, что ее могут у него отнять, казалась совершенно невыносимой.

Возникла пауза, которую прервал жизнерадостный голос Анники:

– О чем вы тут беседуете? Какое-то совершенно похоронное настроение за столом.

Она вошла и тоже присоединилась к компании. Вслед за ней появился самый младший сотрудник участка, Мартин Мулин, привлеченный голосами, доносящимися из кухни, и запахом кофе. Он работал на полставки, в остальное время сидя дома с маленьким ребенком, и пользовался каждым случаем поучаствовать в разговорах коллег, чтобы не выбиваться из коллектива.

– Мы говорили о Магнусе Кельнере, – произнес Патрик, своим тоном давая понять, что разговор на эту тему уже завершен. Чтобы подчеркнуть это, он заговорил о другом: – Как дела с вашей малышкой?

– Ой, хорошо. Вчера нам прислали новые фотографии, – ответила Анника и вытащила из кармана кофты пачку снимков. – Посмотрите, как она выросла!

Анника положила фотографии на стол, и Патрик с Йостой стали по очереди рассматривать их. Мартин уже имел возможность полюбоваться снимками, когда пришел утром на работу.

– Ой, какая хорошенькая! – воскликнул Патрик.

– Да, – кивнула Анника. – Ей уже десять месяцев.

– Когда же вы сможете поехать за ней? – с искренней заинтересованностью спросил Йоста. В том, что Анника и Леннарт всерьез задумались об усыновлении, был его немалый вклад, так что он отчасти воспринимал девочку как свое дитя.

– Пока нам поступает весьма противоречивая информация, – вздохнула Анника. Собрав фотографии, она бережно убрала их в карман. – Похоже, через пару месяцев.

– Наверное, тебе кажется, что это целая вечность, – проговорил Патрик, поднимаясь и ставя свою чашку в посудомоечную машину.

– Само собой. Но с другой стороны... Все идет своим чередом. Она у нас есть.

– Вот именно! – воскликнул Йоста и, забывшись, положил ладонь на руку Анники, но тут же отдернул. – У меня много дел. Некогда мне сидеть тут с вами языком чесать, – буркнул он смущенно и поднялся.

Трое коллег с улыбкой смотрели ему вслед, когда он поспешно вышел из кухни.

* * *

– Кристиан! – воскликнула директор издательства и, подойдя к нему, заключила его в свои могучие объятия, обдав тяжелым запахом духов.

Кристиан задержал дыхание, чтобы не чувствовать навязчивый запах. Габи фон Русен никогда не отличалась излишней деликатностью. Всего в ней было с избытком: слишком пышная прическа, излишек косметики и к тому же привычка одеваться, мягко говоря, вызывающе. По сегодняшнему торжественному поводу она нарядилась в ядовито-розовый костюм с огром-

ной зеленой матерчатой розой на лацкане, а высоченные каблуки, как всегда, представляли угрозу жизни и здоровью. Однако, несмотря на этот экстравагантный внешний вид, директор нового бурно развивающегося издательства заставила всех воспринимать ее всерьез. Проработавшая в издательском деле более тридцати лет, она обладала острым умом и не менее острым языком. Те, кто когда-то недооценил ее как конкурента, давно осознали свою ошибку.

– Сегодня все будет замечательно! – воскликнула Габи, держа его за рукав и солнечно сияя.

Кристиану, окутанному плотным шлейфом ее духов, по-прежнему тяжело было дышать, поэтому он ограничился кивком.

– Ларс-Эрик и Анна-Лена, которые помогали мне в организации фуршета, просто потрясающие мастера своего дела, – продолжала она. – Мне кажется, это идеальное место для презентации твоей восхитительной книги. Ну, как ты себя чувствуешь?

Кристиан осторожно высвободился из ее рук и сделал шаг назад.

– Как во сне, если честно, – проговорил он. – Я так долго обдумывал эту книгу... и вот я здесь.

Он покосился на стопку книг, сложенных на столике у входа. На всех корешках красовалось его имя и заглавие: «Русалка». В животе у Кристиана зашекотало – похоже, все это происходит на самом деле.

– План у нас такой, – снова заговорила Габи и потянула его за собой, и он покорно последовал за ней. – Мы начнем с пресс-конференции, чтобы журналисты могли побеседовать с тобой в спокойной обстановке. Мы очень довольны тем, как представлена пресса. «ГП»¹, «ГТ»², «Бохюсленинген» и «Стрёмстадс Тиднинг» прислали своих корреспондентов. Правда, все газеты местные, но это с лихвой компенсируется сегодняшней хвалебной рецензией в «Свенскан».

– А что за рецензия? – спросил Кристиан, пока она вела его в небольшое помещение возле сцены, где, судя по всему, предполагалось провести пресс-конференцию.

– Ты все узнаешь потом, – решительно произнесла Габи и усадила его на стул у стены.

Кристиан попытался взять ситуацию под контроль, но его не покидало чувство, что он попал в центрифугу, из которой ему уже не выбраться, и удаляющаяся фигура Габи лишь усугубляла его состояние. По залу туда-сюда бегали официанты, накрывая столы для фуршета. На него никто не обращал внимания. Кристиан позволил себе на секунду закрыть глаза. Подумал о книге, о долгих часах, проведенных за компьютером. Сотни, тысячи часов. И еще он подумал о Ней – о Русалке.

– Кристиан Тюдель? – прозвучал у него над ухом голос, прервавший ход его мыслей.

Кристиан поднял глаза. Перед ним стоял человек с протянутой рукой в ожидании, что он ответит на рукопожатие, так что Кристиану пришлось подняться и пожать руку вошедшему.

– Биргер Янссон, «Стрёмстадс Тиднинг», – представился мужчина и поставил на пол большой фотокофр.

– Да-да, добро пожаловать, садитесь, – пробормотал Кристиан, не зная, как себя вести. Он поискал глазами Габи, но увидел лишь ядовито-розовое пятно, парившее где-то у входа в зал.

– Да уж, презентация организована с большим размахом, – усмехнулся Биргер Янссон и огляделся.

– Похоже на то, – ответил Кристиан.

Повисла неловкая пауза, оба заерзали на своих стульях.

– Ну что, начнем? Или подождем остальных? – спросил Биргер.

---

¹ Сокращенное название газеты «Гётеборгс Постен».

² Сокращенное название газеты «Гётеборгс Тиднинген».

Кристиан посмотрел на репортера пустым взглядом. Откуда ему знать, как поступать в такой ситуации? Он никогда еще не делал ничего подобного. Янссон, кажется, воспринял его молчание как знак согласия, поставил на стол магнитофон и включил его на запись.

– Так-так, – начал он и вопросительно посмотрел на Кристиана. – Стало быть, это ваш дебютный роман.

Кристиан задумался: требуется ли от него что-то еще, кроме согласия с этим утверждением?

– Да, именно, – кивнул он и откашлялся.

– Мне он очень понравился, – заявил Биргер Янссон резким тоном, противоречащим одобрительным словам.

– Спасибо, – промямлил Кристиан.

– Что вы хотели им сказать? – продолжал Янссон, наклонившись к магнитофону, чтобы убедиться в его исправности.

– Что я хотел сказать? Затрудняюсь ответить. Просто я долго носил в себе эту историю, и мне хотелось ее рассказать.

– Книга очень мрачная. Я бы даже сказал, она полна безысходности, – проговорил Биргер, глядя на Кристиана таким взглядом, словно стремился заглянуть в самые тайные уголки его души. – Таким вы видите наше общество?

– Ну, я не уверен, что стремился выразить в книге именно мое отношение к обществу, – ответил Кристиан, мучительно пытаясь придумать что-нибудь умное. Он никогда не подходил к своему творчеству с такой точки зрения. Повествование так давно таилось в нем, хранилось в глубине души, и в конце концов он просто не мог не излить его на бумагу. Что он при этом хотел сказать по поводу общества? Такой мысли у него вообще не возникало.

Его спасла Габи. Она привела толпу других журналистов, и Биргер отключил свой магнитофон, пока все здоровались и рассаживались. На это ушло несколько минут, и Кристиан воспользовался случаем, чтобы собраться с мыслями.

Габи попросила минуточку внимания.

– Добро пожаловать на встречу с новой звездой на литературном небосклоне – писателем Кристианом Тюдемом. Наше издательство гордится тем, что нам выпала честь выпустить в свет его первый роман «Русалка», и мы убеждены, что это лишь первый шаг в его долгой и яркой писательской карьере. Кристиан еще не успел прочесть рецензии, и я с огромной радостью хочу сообщить тебе, что твоя книга удостоилась высокой оценки в «Свенскан», «ДН»³ и «Арбетарбладет», не говоря уже о других изданиях. Позвольте мне процитировать пару выдержек.

Надев очки, она потянулась к пачке листков, лежавших рядом с ней на столе. На белой бумаге ярко сияли строки, выделенные розовым маркером.

– «Словесный виртуоз, который описывает незащищенность маленького человека, не теряя при этом ощущения глобальности». Это из «Свенскан», – пояснила Габи и открыла другую страницу. – «Книга Кристиана Тюдема дарит наслаждение, смешанное с болью, когда он своей беспощадной прозой обнажает лживые и пустые обещания общества безопасности и демократии. Его слово вонзается, как нож, в плоть, мышцы и совесть и заставляет жадно читать дальше в поисках новой мучительной, но очищающей боли». Это «ДН», – добавила Габи, снимая очки и протягивая Кристиану стопку рецензий.

Не веря своим глазам, он принял у нее из рук бумаги. Слова дошли до его сознания, и было приятно слышать хвалебные отзывы, однако в глубине души он не совсем понимал, о чем речь. Он всего лишь написал о Ней, рассказал Ее историю. Исторг из себя слова и образы, которые временами оставляло после себя ощущение внутренней пустоты. Он не хотел ничего говорить об обществе – он хотел рассказать о Ней.

---

³ Газета «Дагенс Нюхетер», одна из четырех крупнейших шведских газет.

Возражения так и не сорвались с его языка. Никто все равно не понял бы его, и, наверное, так даже лучше. Все равно он никогда не смог бы все это объяснить.

– Очень приятно, – проговорил он и почти физически ощутил пустоту этих слов, когда произносил их.

Затем последовали новые вопросы. Похвала и размышления по поводу его книги. И он почувствовал, что не может вразумительно ответить ни на один вопрос. Как описать то, что заполняло твою жизнь до последнего миллиметра? Не просто история, а стратегия выживания. Попытка заглушить боль. Он делал все, что было в его силах, изо всех сил старался отвечать четко и продуманно. Судя по всему, получалось неплохо, потому что Габи время от времени одобрительно кивала.

Когда пресс-конференция подошла к концу, у Кристиана оставалось одно желание – встать и уйти домой. Его охватило ощущение полной опустошенности. Однако обстоятельства вынуждали его остаться в этом роскошном зале ресторана «Гранд-отеля», и он сделал глубокий вдох, приготовившись встречать гостей, которые уже начали прибывать. Он улыбался им, и никто даже не подозревал, каких невероятных усилий стоила ему эта улыбка.

* * *

– Ты сможешь сегодня не напиться? – спросил Эрик Линд свою жену, стараясь говорить как можно тише, чтобы остальные, стоявшие в очереди у входа в банкетный зал отеля, не слышали его.

– А ты сможешь сегодня никого не щипать за попу? – парировала Луиза, не давая себе труда понизить голос.

– Даже не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил Эрик. – И будь добра уменьшить громкость.

Луиза посмотрела на своего мужа холодным взглядом. Он хорош собой, этого она не могла отрицать. Когда-то именно этим он ее и взял. Они познакомились в университете, и многие девушки с завистью поглядывали ей вслед, когда ей удалось окрутить Эрика Линда. И все эти годы он медленно, но верно убивал ее любовь, уважение и доверие своим бесконечным траханьем – не с ней, боже сохрани! Похоже, у него никогда не возникало проблем с тем, чтобы найти себе развлечения на стороне.

– Привет, вы тоже здесь? Как приятно вас видеть!

Сесилия Янсдоттер протиснулась к ним и расцеловала обоих в щеки. Она была парикмахершей Луизы, а в последний год – еще и любовницей Эрика. Хотя они оба, конечно же, считали, что Луиза об этом не подозревает.

– Привет, Сесилия! – ответила Луиза и улыбнулась. Если бы она дулась на всех, с кем переспал ее муж, то перессорилась бы с половиной населения Фьельбаки. К тому же она уже много лет назад перестала обращать внимание на его романы. У нее есть дочери. И замечательное изобретение – вино в пятилитровых картонных упаковках. На что ей Эрик?

– Правда, здорово, что у нас во Фьельбаке появляются собственные писатели? Сначала Эрика Фальк, а теперь еще и Кристиан. – Сесилия буквально подпрыгивала на месте от восторга. – А вы читали книгу?

– Я читаю только деловые газеты, – ответил Эрик.

Луиза вздохнула и подняла глаза к небу. Так типично для Эрика – бравировать тем, что он не читает книг.

– Надеюсь, нам подарят по экземпляру, – ответила она и плотнее запахнулась в пальто. Ей хотелось только одного – чтобы очередь двигалась побыстрее и они поскорее оказались в тепле.

– Да, у нас в семье чтение – удел Луизы. С другой стороны, чем еще заниматься, когда не работаешь. Не так ли, дорогая?

Луиза пожала плечами и не стала отвечать на язвительный комментарий. Какой смысл напоминать Эрику, что он сам убедил ее не работать, пока росли дочери? Или объяснять, что она с утра до ночи занята обеспечением того привычного уклада жизни, который он считает само собой разумеющимся?

Болтая о пустяках, они постепенно продвигались вперед. Наконец они вошли в холл отеля, повесили верхнюю одежду в гардероб и, спустившись на несколько ступенек, вошли в банкетный зал.

Чувствуя спиной жгучий взгляд Эрика, Луиза сразу направилась к бару с напитками.

* * *

– Постарайся не переутомляться! – сказал Патрик и поцеловал Эрику в губы, когда она уже стояла в дверях со своим огромным животом.

Майя немного поныла, увидев, что мама уходит, однако тут же успокоилась, стоило Патрику усадить ее на диван перед телевизором, на экране которого уже появился зеленый дракончик – заставка популярной детской телепередачи. В последние месяцы дочка стала гораздо упрямее и капризнее, и тем темпераментным всплескам, которые вызывало у нее просто слово «нет», могла бы позавидовать любая примадонна. Во многом Патрик понимал ее состояние. Наверняка она тоже ощущает атмосферу напряженного ожидания, порой смешанного с ужасом. Господи, близнецы! Хотя они с Эрикой узнали эту новость еще на первом УЗИ на восемнадцатой неделе, он до сих пор не успел свыкнуться с этой мыслью. С одним-то младенцем достаточно непросто – а что делать, когда их двое? Как их кормить, как укладывать спать и все такое прочее? К тому же придется покупать новую машину, чтобы в ней смогли разместиться трое детей и их коляски. Уже одно это...

Патрик плюхнулся на диван рядом с Майей, уставившись в одну точку. В последнее время он ощущал необычную усталость. Казалось, силы на исходе: иногда ему с трудом удавалось заставить себя подняться утром с постели. Впрочем, ничего удивительного. Помимо всех домашних дел, вечно уставшей Эрики и Майи, превратившейся в маленького упрямого монстра, его очень тяготило то, что происходит на работе. С тех пор как он встретил Эрику, его отделу несколько раз приходилось заниматься расследованием убийств, да и бесконечная борьба с начальником, Бертилем Мелльбергом, отнимала немало сил.

А теперь еще и исчезновение Магнуса Кельнера. То ли опыт, то ли интуиция подсказывали Патрику, что с парнем что-то случилось. Несчастный случай или преступление – пока невозможно было сказать, что именно, однако Патрик готов был поспорить на свой полицейский жетон, что Магнуса уже нет в живых. И так тяжело было встречаться по средам с его женой, которая с каждым разом, казалось, уменьшалась и сохла. Они с коллегами сделали все, что было в их силах, но лицо Сии Кельнер преследовало его.

– Папа!

Майя прервала ход его мыслей неожиданно громким выкриком. Ее маленький пальчик указывал на экран телевизора, и Патрик сразу понял, в чем дело. Похоже, он предавался своим мыслям несколько дольше, чем ему показалось, – детская передача закончилась, и вместо нее начались новости, которые Майю совершенно не интересовали.

– Сейчас папа все исправит, – сказал он, подняв ладони. – Что скажешь насчет Пеппи?

Ответ Патрик знал заранее – как раз сейчас его дочь очень увлекалась Пеппи Длинный-чулок. Он достал диск, и когда начался фильм про Пеппи на семи морях, уселся рядом с дочерью, обняв ее одной рукой. Она с удовольствием прижалась к его боку, словно теплый маленький зверек. Пять минут спустя Патрик уже спал.

* * *

Кристиана прошиб пот. Габи сообщила, что скоро ему пора выходить на сцену. Нельзя сказать, чтобы банкетный зал был переполнен народом, однако здесь собралось человек шестьдесят гостей, с тарелками и бокалами вина в руках, и в зале царил атмосфера радостного ожидания. Сам Кристиан есть не мог, только пил красное вино. Он как раз допивал третий бокал, хотя и понимал, что пора остановиться. Странно будет выглядеть, если во время интервью он начнет бормотать нечто бессвязное. Но без вина ему не пережить сегодняшний вечер.

Обводя рассеянным взглядом зал, он вдруг почувствовал, как кто-то положил ладонь ему на рукав.

– Привет, как дела? – проговорила Эрика, обеспокоенно глядя на него. – Вид у тебя напряженный.

– Да, немного нервничаю, – кивнул он и испытал облегчение от того, что смог кому-то в этом признаться.

– Прекрасно тебя понимаю, – кивнула Эрика. – Помню, как я впервые выступала на презентации дебютантов в Стокгольме – потом чувствовала себя как выжатый лимон. А что я говорила, стоя на сцене, – задним числом ни слова не могла вспомнить.

– Боюсь, меня сегодня ждет что-то в этом духе, – проговорил Кристиан и провел рукой по горлу. На мгновение он вспомнил о письмах, и его охватило чувство паники. Он покачнулся и удержался на ногах только благодаря Эрике, которая поддержала его.

– Ай-ай-ай! – усмехнулась Эрика. – Подозреваю, что ты уже немного принял для храбрости. Не пей больше до своего выступления.

С этими словами она осторожно взяла у него из рук бокал с красным вином и отставила на ближайший стол.

– Все пройдет великолепно, я уверена. Сначала Габи представит тебя и книгу, затем я задам тебе несколько вопросов, которые мы с тобой уже обсуждали. Положись на меня. Остается единственная проблема – поднять меня на сцену.

Она рассмеялась, и Кристиан согласился с ней. Не совсем от чистого сердца и немного звенящим голосом, но это подействовало. Напряжение частично отпустило, и он почувствовал, что снова может дышать. Мысль о письмах он отогнал подальше. Сегодня ничто не сможет его сбить. Русалка реализовалась в его книге, и теперь об этом можно забыть. С Ней покончено.

– Привет, мой дорогой!

Санна присоединилась к ним. Ее глаза засияли, когда она оглядела зал. Он понимал, что в ее жизни это великий день – возможно, куда более значимый, чем для него самого.

– Какая ты красивая! – произнес он, и она восприняла его похвалу с восторгом.

Санна действительно прекрасно выглядела. Он понимал, что ему ужасно повезло с женой. И она все ему прощала – более, чем кто-либо другой. И не ее вина, что она не в состоянии заполнить его внутреннюю пустоту. Вероятно, это не удастся никому. Он обнял жену и поцеловал ее волосы.

– Какая чудесная пара! – воскликнула Габи, которая приблизилась к ним, постукивая каблучками по паркету. – А тебе прислали цветы, Кристиан!

Он с удивлением уставился на букет, который она держала в руке. Букет был красивый, но простой – только белые лилии.

Дрожащей рукой Кристиан потянулся к конверту, прикрепленному к букету. Его трясло, он едва смог открыть конверт, лишь краем сознания отмечая удивленные взгляды женщин, стоящих вокруг него.

Открытка тоже была проста. Белая карточка из плотной бумаги, текст написан черными чернилами, изящным почерком, как в письмах. Кристиан уставился на строки. Потом в глазах у него почернело...

Она была прекраснее всех на свете. От нее вкусно пахло, а длинные волосы были зачесаны назад и перехвачены белой повязкой. Она сияла так, что ему пришлось прищуриться. Неуверенным шагом он приблизился к ней, не зная, дозволено ли ему приобщиться к этой красоте. Она протянула к нему руки, показывая, что все можно, и он кинулся в ее объятия. Прочь от черноты и зла. Его окружали теперь белизна, свет, нежный цветочный запах и шелковистое прикосновение ее волос к его щеке.

– Ты теперь моя мама? – проговорил он в конце концов и нехотя сделал шаг назад. – Она кивнула. – Точно?

Он ожидал, что кто-нибудь войдет и насмешливым комментарием разрушит очарование, сказав ему, что он просто видит сон – ведь такое восхитительное существо не может быть матерью такому, как он.

Но никаких голосов не послышалось. Она лишь снова молча кивнула ему, и тут он уже не мог сдерживаться. Он снова бросился в ее объятия, мечтая лишь о том, чтобы остаться в них навсегда. Где-то в голове кружились иные картины, иные запахи и звуки, пытаясь пробиться к сознанию, однако они потонули в цветочном аромате и шуршании ее одежд. Он отогнал их. Заставил исчезнуть, чтобы дать место новым, потрясающим ощущениям. Этому невероятному счастью.

Он поднял глаза на свою новую мать, и его сердце учащенно забилось от восторга. Когда она взяла его за руку и увела прочь, он с готовностью последовал за ней.

– Я слышал, что вчера все закончилось достаточно печально. О чем, собственно, думал Кристиан? Напиться на таком банкете!

Кеннет Бенгтссон пришел в свой офис с опозданием после тяжелого утра. Войдя, он бросил было куртку на диван, но, поймав недовольный взгляд Эрика, поднял ее и повесил на вешалку.

– Да уж, вчера вечер закончился достаточно неожиданно, – ответил Эрик. – С другой стороны, Луиза была настроена пуститься во все тяжкие, так что я даже рад, что мне удалось этого избежать.

– Значит, дела у тебя совсем плохи? – переспросил Кеннет, разглядывая Эрика.

Нечасто Эрик доверял ему что-либо личное. Так было всегда. И в детстве, когда они играли вместе, и теперь, во взрослом возрасте. Эрик держался с Кеннетом так, словно едва его выносил, словно делал ему одолжение, опускаясь до общения с ним. Не будь у Кеннета весьма конкретных вещей, которые он мог ему предложить, их дружба давно ушла бы в песок. Как и случилось, пока Эрик учился в университете и работал в Гётеборге. Кеннет же остался дома, во Фьельбаке, и создал свою маленькую аудиторскую фирму, которая с годами становилась все более процветающей. Ибо Кеннет был наделен талантом. Он не мнил себя красавцем или интеллектуалом, но у него была потрясающая способность обращаться с цифрами. Он умел жонглировать суммами в балансах и финансовых отчетах, как Дэвид Бекхэм – футбольным мячом. Это качество в сочетании со способностью привлекать на свою сторону налоговую службу внезапно придало ему невиданную ранее ценность в глазах Эрика. Когда Эрик решил заняться строительным бизнесом, ставшим столь привлекательным на Западном побережье в последние годы, Кеннет стал его компаньоном. Разумеется, Эрик сразу указал ему его место – Кеннет владел лишь третью акций фирмы, а не половиной, как ему полагалось бы, учитывая его вклад в развитие предприятия. Однако он не переживал по этому поводу. Кеннета не

манили ни власть, ни богатство. Он занимался тем, что у него лучше всего получалось в одной связке с Эриком. И ему этого вполне хватало.

– Даже не знаю, что мне делать с Луизой, – проговорил Эрик и поднялся со стула. – Если бы не дети...

Он горестно покачал головой и взял пальто.

Кеннет понимающе кивнул. На самом деле он прекрасно знал, в чем загвоздка. И дело тут было не в детях. Эрику не давало развестись с Луизой то простое обстоятельство, что в этом случае она забрала бы с собой половину капитала.

– Пойду пообедаю. Какое-то время меня не будет. Продолжительный обеденный перерыв.

– Хорошо, – кивнул Кеннет. Не впервые компаньон уходил на продолжительный обеденный перерыв.

* * *

– Он дома?

Эрика стояла на лестнице виллы семьи Тюдель.

Несколько секунд Санна колебалась, но потом сделала шаг в сторону, пропуская ее.

– Он наверху, в своем кабинете. Сидит перед компьютером и смотрит в одну точку.

– Можно мне подняться к нему?

Санна кивнула:

– Да. Мои слова до него не доходят. Может быть, у тебя лучше получится.

Голос ее прозвучал горько, и Эрика бросила на нее внимательный взгляд. Вид у Санны был усталый. Усталость – и нечто еще, к чему Эрика пока не могла подобрать слов.

– Посмотрим, что я могу сделать, – проговорила Эрика и стала тяжело подниматься по лестнице, придерживая рукой живот. Теперь даже такое небольшое усилие совершенно изматывало ее. – Привет!

Она осторожно постучала в открытую дверь, и Кристиан обернулся. Он сидел на стуле перед своим рабочим столом. Монитор компьютера был погашен.

– Ты вчера так нас напугал, – начала она, усаживаясь в кресло в углу.

– Ничего особенного, я всего лишь немного переработал, – пробормотал Кристиан. Однако от Эрики не укрылось, что вокруг его глаз пролегли глубокие морщины, а руки по-прежнему слегка дрожали. – И потом, меня тревожит вся эта история с Магнусом.

– Ты уверен, что дело только в этом? – проговорила она, и ее голос прозвучал жестче, чем ей хотелось бы. – Вот это я нашла вчера и принесла с собой.

Порывшись в кармане, она достала сообщение, которое было прикреплено ко вчерашнему букету.

– Должно быть, ты уронил его.

Кристиан уставился на карточку.

– Убери это!

– Что означают эти слова? – спросила Эрика, с тревогой поглядывая на человека, которого уже почти начала воспринимать как своего друга.

Он промолчал. Эрика повторила более мягким тоном:

– Кристиан, что все это значит? Вчера твоя реакция на это послание оказалась очень бурной. И не пытайся убедить меня, что ты просто переработал.

Он продолжал молчать, но тишину внезапно нарушил голос Санны, возникшей в дверях.

– Расскажи о письмах!

Она так и осталась стоять на пороге в ожидании ответа мужа. После некоторой паузы Кристиан вздохнул и, выдвинув нижний ящик, выложил на стол небольшую стопку писем.

– Некоторое время назад я начал получать вот это.

Эрика взяла письма в руки и осторожно просмотрела. Белые листы, черные чернила. Почерк, вне всяких сомнений, тот же, что и на открытке, которую она принесла с собой. Да и слова казались знакомыми. Разные формулировки, но всего лишь вариации на одну и ту же тему. Она прочла вслух первое письмо:

– «Она идет рядом с тобой, Она преследует тебя. Ты ни на что не имеешь права. Твоя жизнь принадлежит Ей».

Эрика оторвала взгляд от листа и с удивлением уставилась на Кристиана.

– Что имеется в виду? Ты понимаешь, о чем тут речь?

– Нет, – ответ прозвучал поспешно и решительно. – Понятия не имею. Я не знаю никого, кто желал бы мне зла. И я понятия не имею, кто такая «Она». Нужно было их выкинуть, – добавил он и потянулся к письмам, но Эрика не сделала ответного движения, чтобы отдать их ему.

– Тебе следовало бы обратиться в полицию.

Кристиан отрицательно покачал головой:

– Нет, наверняка это просто кто-то развлекается. Чья-то злая шутка.

– На шутку что-то не похоже. И тебе, по-моему, не очень весело.

– Вот и я говорю то же самое, – вставила Санна. – Мне кажется, все это довольно жутко. Учитывая, что у нас дети, и все такое. Вдруг это какой-нибудь сумасшедший, который...

Она покосилась на Кристиана, и Эрика поняла, что дискуссия такого рода происходила в их семье не в первый раз. Но он снова энергично потряс головой.

– Я не желаю предавать все это огласке.

– Когда это началось? Скажи более точно.

– Когда ты взялся писать книгу, – проговорила Санна, за что муж наградил ее раздраженным взглядом.

– Да, примерно в это время, – подтвердил он. – Полтора года назад.

– Может тут быть какая-то связь? Описываются ли в книге реальные люди или события? Возможно, кто-то воспринял твою книгу как личную угрозу...

Эрика не сводила глаз с Кристиана, который беспокойно ерзал на стуле. Сразу бросалось в глаза, что этот разговор ему в высшей степени неприятен.

– Нет, это художественно-литературное произведение, – проговорил он и поджал губы. – Никто не может сказать, что его изобразили в этой книге. Ты ведь читала рукопись? Похоже, что книга автобиографическая?

– Да нет, не сказала бы, – проговорила Эрика и пожала плечами. – Но я знаю, что писатель всегда невольно вплетает в повествование нити из собственной жизни, осознанно или неосознанно.

– Я же сказал – нет! – выпалил Кристиан, поднялся и оттолкнул стул.

Эрика поняла, что пора откланяться, и попыталась выбраться из кресла, однако законы физики были против нее, и единственным результатом ее усилий стали звуки, напоминающие лошадиное пофыркивание. Суровое лицо Кристиана несколько смягчилось, и он протянул ей руку.

– Наверняка это просто какой-то сумасшедший, который прослышал, что я пишу книгу, и у него возникли странные идеи, – произнес он уже куда спокойнее.

Эрика сомневалась в правдивости этих слов, но это было лишь смутное чувство, без всяких доказательств. Идя к машине, она в душе надеялась, что Кристиан не станет пересчитывать письма и не заметит, что их стало пять вместо шести. Уходя, Эрика тайком засунула одно из них к себе в сумочку. Она удивлялась собственному поступку, но раз уж Кристиан не хочет

ничего рассказывать, она разберется в этом деле сама. Тон писем показался ей угрожающим – похоже, ее друг в опасности.

* * *

– Тебе пришлось отказать кому-нибудь из клиентов? – пробормотал Эрик, дотягиваясь губами до соска Сесилии. Она сладко застонала и растянулась на своей кровати. Ее парикмахерский салон располагался на идеальном расстоянии – на первом этаже того же дома.

– Тебе бы это точно понравилось, если бы я начала отказывать клиентам, чтобы освободить для тебя место в своем расписании. Откуда такая уверенность, что ты важнее всех?

– Но разве есть на свете более важные занятия? – усмехнулся он, щекоча языком ее грудь, и она притянула его к себе, будучи не в силах сдерживаться.

Потом она лежала рядом, положив голову на его руку, и жесткие волоски слегка щекотали ее щеку.

– Мне было так странно столкнуться вчера с Луизой и с тобой.

– Угу, – ответил Эрик и закрыл глаза. В постели с любовницей он не испытывал никакой потребности говорить о жене и своих отношениях с ней.

– Я очень хорошо отношусь к Луизе, – проговорила Сесилия, трогая волоски у него на груди. – И если бы она узнала...

– Но она не узнает! – резко оборвал ее Эрик и сел. – И никогда не узнает, будь уверена. Сесилия подняла на него глаза, и он уже заранее понял, к чему она ведет.

– Рано или поздно ей придется обо всем узнать.

Эрик мысленно вздохнул. Ну почему всегда так нехоти начинаются дискуссии о будущем? Он спустил ноги с кровати и стал натягивать на себя одежду.

– Ты уже уходишь? – спросила Сесилия, и обиженное выражение на ее лице еще больше рассердило Эрика.

– У меня много дел на работе, – сухо ответил он и застегнул рубашку. Его ноздри ощущали характерный запах, остающийся после занятий сексом. Впрочем, он сможет принять душ в офисе. У него в шкафу хранился запасной комплект одежды – как раз на такой случай.

– Ты считаешь, что все так и должно быть?

Сесилия полулежала на постели, и Эрик не мог отвести глаз от ее обнаженного тела. Большие темные соски на ее упругой груди снова набухли от прохладного воздуха в комнате. Он быстренько прикинул в уме. На самом деле на работе у него не было никаких срочных дел, и он ничего не имел против продолжения. Правда, теперь придется пуститься в уговоры, но возбуждение, уже возникшее в теле, подсказывало ему, что овчинка стоит выделки. Он присел на край кровати, смягчил голос и выражение лица, протянул руку и погладил Сесилию по щеке.

– Сесилия... – проговорил он, и далее с его языка стали легко срываться слова, которые он уже так много раз говорил ей раньше. Когда она в ответ крепко прижалась к нему, он почувствовал сквозь рубашку прикосновение ее груди и начал снова расстегивать пуговицы.

* * *

После запоздалого обеда в ресторанчике «Погребок» Патрик припарковал машину перед длинным белым зданием, которому явно не грозила победа в архитектурном конкурсе, и вошел в холл полицейского отделения Танумсхеде.

– К тебе посетительница, – сказала Анника, взглянув на него поверх очков.

– Кто?

– Не знаю, но она очень хороша собой. Правда, немного полновата. Но тебе она точно понравится.

– Ты о чем? – удивленно переспросил Патрик, недоумевая, с каких это пор Анника стала заниматься сводничеством.

– Да ты пойдй посмотри сам, она сидит у тебя в кабинете, – сказала Анника и подмигнула ему.

Патрик подошел к двери своего кабинета и замер на пороге.

– Привет, моя дорогая! Что ты здесь делаешь?

Эрика сидела возле его стола на стуле для посетителей и рассеянно перелистывала журнал «Полиция».

– Как ты долго! – проговорила она, не отвечая на вопрос. – Стало быть, вот как выглядит напряженный рабочий день добросовестного полицейского?

Патрик лишь хмыкнул. Он прекрасно знал, что Эрика обожает над ним подтрунивать.

– Ну, так что привело тебя сюда? – спросил он, садясь на свое место.

Чуть подавшись вперед, он посмотрел на жену и в очередной раз осознал, какая же она красивая. Патрик помнил ее первый приход к нему в полицейский участок – в связи с убийством ее подруги Александры Викнер, – но с тех пор Эрика только похорошела. В суете буден он иногда забывал об этом. Жизнь крутилась по заведенному кругу: отвезти дочку в садик, поехать на работу, забрать из садика, съездить в магазин за продуктами и под конец дня – поздние часы в усталости перед телевизором. И так дни складывались в месяцы, но иногда его снова поражало как громом, и он понимал, как возвышенна его любовь к жене. И теперь, когда она сидела перед ним в кабинете, храня в своем чреве двоих детей, а зимнее солнце, проникавшее через окно, золотило ее светлые волосы, чувства настолько переполняли его, что этих минут, казалось, хватит на всю жизнь.

Патрик осознал, что не слышал ответа Эрики, и попросил ее повторить.

– Я сказала, что была у Кристиана и разговаривала с ним.

– Ну и как он?

– Вроде бы ничего, хотя... – Она закусила губу.

– Хотя – что? Я подумал, что он просто немного перебрал вчера на нервной почве.

– Да нет, это еще не вся правда.

Эрика осторожно достала из сумочки полиэтиленовый пакет и протянула его Патрику.

– Карточку принесли вчера вместе с букетом цветов. А письмо – одно из тех, которые приходили ему в последние полтора года.

Патрик посмотрел на жену долгим взглядом и начал открывать пакет.

– Думаю, будет лучше, если ты попытаешься прочесть их, не вынимая. К ним уже прикасались и я, и Кристиан – новые отпечатки пальцев ни к чему.

Он снова кинул на нее многозначительный взгляд, однако последовал ее совету и прочел содержание писем через полиэтилен.

– Как бы ты это истолковал? – поинтересовалась Эрика, чуть подвинувшись вперед на сиденье, но тут же вынуждена была перераспределить свой вес по-другому, ибо стул чуть не перевернулся.

– Ну, звучит как угроза. Хотя и не прямая.

– Да, мне показалось именно так. И сам Кристиан точно воспринимает эти письма как угрозу, хотя и утверждает, что все это ерунда. Он категорически не хотел показывать письма полиции.

– Так, значит, это?... – Патрик поднес пакет к лицу Эрики.

– Ай-ай-ай, они случайно завалялись ко мне в сумку. Какая неуклюжесть с моей стороны!

Она склонила голову набок и напустила на себя самый невинный вид, но ее мужа не так легко было сбить с толку.

– Стало быть, ты украла их у Кристиана?

– Что значит – украла? Я их ненадолго одолжила.

– И как, по твоему мнению, я должен теперь поступать с этими... одолженными материалами? – спросил Патрик, прекрасно понимая, каков будет ответ.

– Кто-то угрожает Кристиану, и тот боится – я заметила это сегодня по его поведению. Для него все это очень серьезно. Почему он не желает обращаться в полицию, я до конца не понимаю, но, может быть, ты сможешь осторожно выяснить, нет ли на карточке и письме отпечатков пальцев?

Голос Эрики звучал умоляюще, и Патрик уже понимал, что ему придется капитулировать. Когда Эрика в таком настроении, ее невозможно переспорить – в этом он уже не раз имел возможность убедиться.

– Ну ладно, ладно, – проговорил он и поднял руки вверх. – Сдаюсь. Посмотрим, можно ли там что-нибудь найти. Но это не первый приоритет.

Эрика улыбнулась.

– Спасибо, мой дорогой!

– А теперь отправляйся домой отдыхать! – скомандовал Патрик и, не удержавшись, наклонился к жене и поцеловал ее.

Когда она ушла, он стал в растерянности вертеть в руках пакет с угрожающими письмами. Мозг работал туго, однако какие-то мысли в нем зашевелились. Кристиан и Магнус дружили. А вдруг?... Он немедленно отогнал от себя эту мысль, но она тут же снова возвратилась, и он посмотрел на фотографию на стене. А что, если связь все же существует?

* * *

Бертиль Мелльберг толкал впереди себя коляску. Лео, как обычно, сидел в коляске, довольный жизнью, и время от времени улыбался, обнажая два зубика на нижней челюсти. Эрнсту пришлось сегодня остаться в участке, хотя обычно он тоже послушно трусил рядом с коляской, охраняя от малейшей угрозы того, кто и для него стал центром вселенной. Для Мелльберга это было именно так.

Бертиль и не подозревал, что в состоянии испытывать такие сильные чувства. С тех пор, как ему довелось присутствовать при родах и первым взять в руки крошечное существо, Лео крепко держал его за сердце своей маленькой ручкой. Ну, строго говоря, бабушка Лео тоже вполне успешно проложила путь к сердцу Мелльберга, но в его списке значимых людей Лео, вне всяких сомнений, занимал сейчас первое место.

Мелльберг неохотно направился в сторону полицейского участка. На самом деле в обеденный перерыв за малышом должна была присмотреть Паула, чтобы дать возможность подруге Юханне отправиться по своим делам. Но Пауле пришлось срочно выехать на дом к одной женщине, к которой собрался в гости бывший муж с целью «выбить из нее всю дурь», и Мелльберг тут же с готовностью вызвался погулять с Лео. А теперь ему так не хотелось возвращать малыша назад. Бертиль ужасно завидовал Пауле, которая скоро возьмет отпуск по уходу за ребенком. Он и сам с удовольствием сократил бы свое пребывание на работе, чтобы проводить больше времени с Лео. Кстати, неплохая идея – как начальник и руководитель он должен дать своим подчиненным возможность развиваться. Кроме того, маленькому Лео с самого начала нужен мужской образец для подражания. С двумя мамами и полным отсутствием папы следовало бы подумать о благе ребенка и дать ему возможность пообщаться с настоящим мужчиной. Например, с таким, как он – Мелльберг.

Придержав бедром тяжелую дверь участка, Бертиль втянул за собой коляску. Анника просияла, увидев их, а Мелльберг буквально раздулся от гордости.

– А, я смотрю, у вас была небольшая прогулка, – сказала Анника и поднялась, чтобы помочь Мелльбергу с коляской.

– Да, девочкам понадобилась моя помощь, – ответил Мелльберг и стал осторожно снимать с малыша верхнюю одежду. Анника с улыбкой наблюдала за ним. Кто сказал, что чудес не бывает?

– Ну пошли, малыш, посмотрим, здесь ли мамочка, – ласково проговорил Мелльберг и взял Лео на руки.

– Паула еще не вернулась, – сказала Анника, возвращаясь за свой стол.

– Ай-ай, как жаль! Значит, придется тебе еще некоторое время пообщаться с дедушкой, – с удовольствием произнес он и направился в сторону кухни, неся Лео на руках. Девочки сами это предложили, когда он пару месяцев назад переехал к Рите – называть его дедушкой Бертилем. И теперь он пользовался всяким удобным случаем, чтобы произнести это слово, привыкнуть к нему, насладиться им. Дедушка Бертиль.

* * *

Людвигу исполнилось тринадцать, и Сия изо всех сил старалась делать вид, что это самый обычный день рождения. Тринадцать лет. Столько лет прошло с того дня, когда она еще в роддоме со смехом отметила невероятное сходство между отцом и сыном. За все эти годы оно не исчезло, а даже усилилось. И вот теперь из-за этого сходства она в самые тяжелые минуты едва могла заставить себя поднять глаза на Людвигу. Снова и снова увидеть эти карие глаза с чуть заметным зеленоватым оттенком, светлые волосы, которые уже в начале лета выгорали и становились почти белыми. И фигурой, и движениями Людвиг напоминал Магнуса. Высокий, жилистый, а его ладони, когда он клал их ей на плечи, были такими же, как у отца.

Дрожащими руками Сия пыталась вывести имя сына на торт. И это тоже роднило отца с сыном. Магнус мог в одиночку одолеть целый торт «Принцесса», и, что особенно несправедливо, это никак не сказывалось на его фигуре. Самой ей достаточно было посмотреть на булочку с корицей, чтобы сразу поправиться на полкило. Зато теперь она стала такой стройной, какой всегда мечтала быть. С исчезновением Магнуса она теряла килограмм за килограммом. Еда буквально не лезла в рот. А ком в животе, который не проходил с самого утра, когда она просыпалась, и до самого вечера, когда она укладывалась и забывалась тревожным сном, оставлял место лишь для крошечных порций. Впрочем, сейчас она менее всего заботилась о своей внешности – даже и не смотрела на себя в зеркало. Какое это имело значение, если Магнуса нет рядом?

Иногда она желала, чтобы он умер у нее на глазах. Чтобы его хватил инфаркт или переехала машина. Все, что угодно, лишь бы она знала, что случилось, и могла бы заниматься практическими делами, такими, как организация похорон, решением вопроса о наследстве и всем прочим, что обычно требуется, когда кто-то умирает. Тогда, возможно, боль обожгла бы ее нестерпимым жаром, но потом понемногу стихла, оставив лишь глухое чувство утраты вперемишку со светлыми воспоминаниями.

Ей же не осталось ничего, лишь огромная пустота. Он просто исчез, скорбь зависла в воздухе, и не было никакой возможности идти дальше. Работать она была не в состоянии и не представляла, сколько еще времени проведет на больничном.

Она посмотрела на торт. Из глазури получилось какое-то месиво. В тех неравномерных кучках, которые покрывали марципановую поверхность, ничего невозможно было прочесть, и это, казалось, отняло у нее последние силы. Она села прямо на пол, привалившись спиной к холодильнику, и слезы неудержимо потекли по щекам.

– Мама, не плачь!

Сия почувствовала ладонь на своем плече. Это была ладонь Магнуса. Нет, Людвигу. Сия потрясла головой. Реальность ускользала от нее, и ей хотелось разжать руки, чтобы погрузиться в поджидающую ее темноту. Теплую, мягкую темноту, которая окружила бы ее навсегда, если

бы она только позволила это. Сквозь слезы она увидела карие глаза и светлую челку сына и поняла, что не имеет права сдаваться.

– Торт! – всхлипнула она, пытаясь встать. Людвиг помог ей подняться, а затем ласково отобрал у нее тюбик с глазурью.

– Я сам все сделаю, мамочка. Пойди отдохни, я разберусь с тортом.

Он погладил ее по щеке – тринадцатилетний мальчик, но уже не ребенок. Он уже вошел в роль отца, стал Магнусом, ее опорой и защитой. Сия понимала, что не должна позволять ему брать на себя эту роль – он еще слишком мал. Но сейчас у нее не осталось сил ни на что, и она с благодарностью отдала ему лидерство.

Она вытерла глаза рукавом, а Людвиг тем временем достал большой нож и аккуратно соскоблил липкие комки с праздничного торта. Последнее, что увидела Сия, выходя из кухни, – как ее сын сосредоточенно выводил на торте букву Л – первую букву своего имени.

– Ты знаешь, что ты мой самый любимый мальчик? – сказала мама, осторожно расчесывая ему волосы.

В ответ – лишь кивок. Да, он это знал. С того самого дня, как они пришли и забрали его к себе, она раз за разом повторяла ему это, и он готов был слушать ее до бесконечности. Иногда он вспоминал о прошлом. О мрачных часах одиночества. Но стоило ему посмотреть на прекрасное существо, которое звалось его матерью, – и все отступало, развеивалось в прах. Казалось, ничего этого и не было никогда.

Он только что помылся, и мать закутала его в зеленый махровый халат с желтыми цветами.

– Хочешь мороженого, мой дорогой?

– Ты его слишком балуешь, – донесся от двери голос отца.

– А что плохого в том, что я его балую? – спросила мать.

Он еще плотнее закутался в махровый халат и натянул на голову капюшон, чтобы спрятаться от этого сурового тона и слов, которые эхом отдались в кафельной ванной. От той черноты, которая снова взбаламутилась в нем.

– Я просто хотел сказать, что ты оказываешь ему медвежью услугу, балуя его.

– Ты хочешь сказать, что я не знаю, как воспитывать нашего сына?

Глаза матери почернели, стали бездонными. Казалось, она хочет испепелить отца взглядом. И, как обычно, ее гнев заставил отца растаять. Когда она поднялась и шагнула к нему, он словно уменьшился. Сгорбился, сделался маленьким. Маленький серый отец.

– Ты наверняка знаешь лучше меня, – пробормотал он, повернулся и ушел, глядя в пол. Затем до них донесся звук надеваемых ботинок в прихожей, а потом закрылась входная дверь. Отец опять отправился на прогулку.

– Мы не будем обращать на него внимания, – шепнула мать ему в ухо, спрятанное под зеленым капюшоном. – Мы с тобой любим друг друга. Только ты и я.

Он прижался к ней, как маленький зверек, давая себя утешить.

– Только ты и я, – прошептал он.

– Нет! Не хочу!

Так кричала Майя, используя тем самым значительную часть своего небогатого словарного запаса, когда утром в пятницу Патрик предпринял отчаянную попытку передать ее на попечение воспитательницы Эвы. Дочь вцепилась в его брючину и выла, так что в конце концов ему пришлось отцеплять ее пальцы по одному. Сердце его разрывалось, когда ее уносили, а она тянула к нему ручки. Ее полный слез зов: «Па-а-па-а!!!» – отдавался у него в голове по пути к машине. Затем он долго сидел, держа ключ от зажигания в руках и глядя остановившимся взглядом сквозь лобовое стекло. Этот кошмар продолжался уже два месяца – Майя наверняка так реагирует на беременность Эрики.

Каждое утро ему приходилось принимать бой. Он сам предложил, что будет отводить дочку в садик. Эрике было слишком тяжело одевать и раздевать Майю, а уж о том, чтобы наклониться и помочь ей застегнуть сандалики, и речи быть не могло. Так что альтернативы все равно не существовало. Но как это все изматывало, тем более что концерт начинался задолго до прихода в детский сад. Еще дома, когда он начинал одевать ее, Майя цеплялась за его руки и упрячилась, и он со стыдом вынужден был признать, что пару раз хватал ее так грубо, что она начинала вопить на весь дом. После таких эпизодов он чувствовал себя самым никудышным отцом на свете.

Усталым жестом проведя рукой по глазам, Патрик глубоко вздохнул и завел машину. Но вместо того, чтобы направиться в сторону Танумсхеде, повинуясь случайному импульсу, свернул к виллам позади холма. Припарковав машину у дома Кельнеров, он нерешительным шагом приблизился к двери. Конечно, нужно было заранее предупредить о своем визите, но теперь он уже приехал на место. Подняв руку, Патрик постучал костяшками пальцев в белую дверь. На ней по-прежнему висел рождественский венок. Никто не удосужился убрать его или заменить чем-нибудь другим.

Внутри дома не раздавалось ни звука, так что Патрик постучал еще раз. Может быть, никого нет дома? Но вот послышались шаги, и Сия открыла дверь. При виде его все ее тело сжалось, и он поспешно покачал головой.

– Нет-нет, у меня нет никаких вестей, – проговорил он, и оба понимали, что он имеет в виду.

Ее плечи опустились, она отступила на шаг, пропуская его в дом. Патрик снял ботинки и повесил куртку на единственный свободный крючок – все остальные были заняты подростковой одеждой.

– Я решил зайти и немного побеседовать, – сказал он и сразу почувствовал себя неуверенно. Как он изложит свои весьма смутные домыслы?

Сия кивнула и пошла в кухню, расположенную справа от прихожей. Патрик последовал за ней. Он уже не раз бывал в этом доме. В первые дни после исчезновения Магнуса они сидели на кухне за деревянным столом, раз за разом обсуждая все подробности. Задавали вопросы достаточно личного характера – однако все это перестало быть личным делом семьи в тот момент, когда Магнус Кельнер вышел из дверей своего дома, чтобы больше не вернуться.

Дом не изменился. Уютный и обычный, немного неубранный – везде виднелись следы пребывания подростков. Но в прошлый раз, когда они сидели тут, в воздухе витала надежда. Теперь же все было проникнуто безнадежностью. Даже фигура Сии.

– У меня есть немного торта. У Людвига вчера был день рождения, – проговорила Сия без всякого выражения, поднялась и достала из холодильника четверть торта «Принцесса». Патрик попытался возразить, но Сия уже начала ставить на стол блюда и доставать ложки, и Патрик смирился с мыслью, что сегодня у него на завтрак будет торт.

– Сколько ему исполнилось? – спросил Патрик, отрезая самый тоненький кусочек торта.

– Тринадцать, – ответила Сия, и чуть заметная улыбка тронула ее губы, когда она положила себе маленький кусочек. Патрику хотелось бы заставить ее есть побольше, учитывая, насколько она исхудала в последние месяцы.

– Хороший возраст. Или не очень? – проговорил Патрик и почувствовал, насколько неестественно звучит его голос.

– Он так похож на отца, – проговорила Сия, и ее ложка зазвенела о блюде. Отложив ложку, она взглянула на Патрика. – Так с чем ты пришел?

Он откашлялся.

– Вполне возможно, что это всего лишь пустые умозаключения, но ты ведь не раз просила нас сделать все возможное, так что извини, если я...

– Говори прямо, в чем дело, – прервала его Сия.

– У меня возникла одна мысль. Магнус общался с Кристианом Тюделем. Откуда они знали друг друга?

Сия бросила на него удивленный взгляд, но не задала встречного вопроса, а задумалась.

– Даже не знаю. Мне кажется, они познакомились вскоре после того, как Кристиан переехал сюда вместе с Санной. Она ведь родом отсюда. Это было лет семь назад. Да, так и есть, потому что вскоре Санна забеременела Мелькером, а ему сейчас пять.

– Так они познакомились через тебя и Санну?

– Нет, Санна ведь на десять лет моложе меня, так что мы с ней раньше не общались. Честно говоря, даже не помню, как это произошло. Помню только, как однажды Магнус предложил пригласить их к нам на ужин, и после этого мы довольно много общались. У нас с Санной не так много общего, но она очень милая, а Элин и Людвиг с удовольствием возьмется за их мальчишками. И уж, во всяком случае, Кристиан мне нравится куда больше, чем другие дружки Магнуса.

– Кого ты имеешь в виду?

– Его друзей детства, Эрика Линда и Кеннета Бенгтссона. Я поддерживала отношения с ними и их женами только ради Магнуса. Мне кажется, они такие разные...

– А Магнус и Кристиан? Они были близкими друзьями?

Сия улыбнулась.

– Мне кажется, у Кристиана не может быть близких друзей. Он немного себе на уме и ни перед кем не раскрывается. Но с Магнусом он держался совсем по-другому. Мой муж всегда оказывал на людей такое действие. Все его любили. В его присутствии все как-то расслаблялось.

Она мучительно сглотнула, и Патрик заметил, что она впервые заговорила о муже в прошедшем времени – как будто его больше нет.

– Кстати, почему ты спрашиваешь о Кристиане? – встревоженно спросила Сия. – С ним ничего не случилось?

– Нет-нет, ничего серьезного.

– Я слышала о том, что произошло на презентации его книги. Меня тоже пригласили, но мне показалось так странно идти туда одной, без Магнуса. Надеюсь, Кристиан не обиделся на меня за то, что я не пришла.

– Вряд ли он мог на тебя обидеться, – проговорил Патрик. – Зато складывается впечатление, что кто-то регулярно посылал ему письма угрожающего содержания, и это продолжается уже больше года. Возможно, я просто хватаюсь за последнюю соломинку, но я все же хотел спросить тебя, не получал ли Магнус чего-нибудь в этом духе. Они знали друг друга – возможно, где-то есть какая-то связь.

– Угрожающие письма? – переспросила Сия. – Неужели ты думаешь, что я могла не рассказать о таком? Зачем бы мне скрывать факты, которые могли бы помочь вам выяснить, что произошло с Магнусом?

Ее голос зазвучал громче и резче.

– Я совершенно уверен, что ты рассказала бы нам, если бы что-то знала, – поспешил заверить ее Патрик. – Но, может быть, Магнус ничего не говорил тебе, чтобы тебя не волновать?

– Тогда как я могла бы тебе об этом рассказать?

– Мой опыт подсказывает мне, что жены всегда все чувствуют, даже когда им ничего не рассказывают. Во всяком случае, моя жена точно видит меня насквозь.

Сия снова улыбнулась.

– Да, тут ты совершенно прав. Действительно, я заметила бы, если бы что-то тяготило Магнуса. Но он вел себя так же беззаботно, как всегда. Это был самый спокойный и надежный человек на свете, почти всегда пребывающий в хорошем настроении. Иногда меня это дико раздражало, и я даже пыталась его спровоцировать, когда у меня самой было плохое настро-

ние. Но мне это ни разу не удалось. Магнус оставался верен себе. Если бы его что-то взволновало, он бы первым делом поговорил со мной, но даже если бы он вдруг решил этого не делать, я бы все равно заметила, что что-то не так. Он знал обо мне все, и я знала о нем все. У нас не было друг от друга тайн.

Голос ее звучал решительно, и Патрик понимал, что она говорит с большой убежденностью, однако это не развеяло его сомнения. Невозможно все знать о другом человеке – даже о том, с кем живешь и кого любишь.

Он посмотрел на нее.

– Прости, если моя просьба покажется тебе нескромной, но можно мне осмотреть дом? Хочу составить себе более точное представление о том, каким был Магнус.

Хотя они уже начали говорить о Магнусе так, словно его не было в живых, Патрик тут же пожалел о своей формулировке. Но Сия не стала комментировать его слова. Сделав жест в сторону двери, она сказала:

– Можешь смотреть сколько хочешь. Я хочу сказать – делайте все, что считаете нужным, задавайте любые вопросы, только бы вы разыскали его.

Резким движением она вытерла тыльной стороной ладони слезу, притаившуюся в уголке глаза.

Патрику показалось, что ей хотелось бы немного побыть одной, и он поднялся. Для начала он зашел в гостиную. Здесь все выглядело так же, как в тысячах других шведских домов. Большой синий диван от ИКЕА. Книжная полка «Билли» со встроенным освещением. Телевизор с плоским экраном на тумбочке из того же светлого дерева, что и журнальный столик. Безделушки, сувениры из поездок, фотографии детей в рамках. Патрик приблизился к большой свадебной фотографии, висевшей над диваном. Это был не традиционный застывший портрет – Магнус во фраке лежал на боку в траве, подперев голову рукой, а ослепительно улыбающаяся Сия стояла позади него в свадебном платье с воланами и оборками, решительно поставив на Магнуса каблучок своей туфельки.

– Наши родители пришли в полный ужас, когда увидели эту фотографию, – произнесла у него за спиной Сия, и Патрик обернулся.

– Да, необычное фото, – пробормотал он и еще раз взглянул на снимок. После переезда во Фьельбаку Патрик несколько раз встречался с Магнусом, однако они лишь перебрасывались парой вежливых фраз. Теперь, разглядывая его открытое, радостное лицо, Патрик подумал, что такого человека действительно все должны любить.

– Можно мне подняться наверх? – спросил он. Сия, которая стояла, прислонившись к косяку, молча кивнула.

На лестнице тоже висели фотографии, и Патрик остановился, разглядывая их. Они свидетельствовали о богатой впечатлениями жизни, где семья занимала главное место. Невозможно было не заметить, что Магнус Кельнер очень гордится своими детьми. От одной фотографии внутри у Патрика все сжалось. Снимок был сделан где-то в отпуске – Магнус стоял, обнимая обеими руками Элин и Людвига. Он улыбался и смотрел в объектив таким счастливым взглядом, что Патрику стало больно это видеть. Он отвернулся и поднялся на второй этаж.

Первые две комнаты принадлежали детям. Комната Людвига поражала царившим в ней безукоризненным порядком. Никакой разбросанной на полу одежды, кровать застелена, письменные принадлежности на столе расставлены и разложены в идеальном порядке. Многое свидетельствовало о его спортивных интересах. На почетном месте над кроватью красовалась футболка шведской сборной с автографом Златана⁴. В остальном доминировали изображения футбольной команды «Гётеборг».

– Людвиг и Магнус часто ходили вместе на их матчи.

---

⁴ Нападающий сборной Швеции Златан Ибрагимович.

Патрик вздрогнул. Снова голос Сии застал его врасплох. По всей видимости, она обладала способностью передвигаться легко и бесшумно, потому что он совершенно не слышал ее шагов по лестнице.

– Большой любитель порядка, – проговорил он.

– Да, как его отец. У нас дома именно Магнус делал уборку. Я не такая аккуратная. Если ты заглянешь в другую комнату, то сразу поймешь, кто из детей уродился в меня.

Патрик открыл дверь в соседнюю комнату, несмотря на предупреждающую табличку, на которой красовалась надпись огромными буквами: «БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ!»

– Ой! – воскликнул он и отшатнулся.

– Да уж, «ой» – самое подходящее слово, – вздохнула Сия и скрестила руки на груди, словно стараясь сдержаться и не кинуться убирать развал. Ибо в комнате Элин царил чудовищный хаос. К тому же все здесь было розовое.

– Я надеялась, что с годами эта любовь к розовому цвету пройдет, но она, напротив, лишь усиливается. И от нежно-розового произошел переход к ядовито-розовому.

Патрик заморгал. Неужели через несколько лет и комната Майи будет выглядеть таким же образом? А что, если близнецы тоже окажутся девочками? Он просто захлебнется в розовом.

– У меня давно опустились руки. Прошу ее закрывать дверь в свою комнату, чтобы мне всего этого не видеть. Только иногда делаю выборочные проверки – чтобы по крайней мере не возникал запах разложившегося трупа.

Она сама вздрогнула, произнесла слово «труп», но тут же продолжала:

– Для Магнуса уже сама мысль о том, что творится в ее комнате, была невыносима. Но я уговорила оставить ее в покое. Я сама такая и понимаю, что словами тут ничего не добьешься. Сама я начала более-менее поддерживать порядок, когда стала жить отдельно от родителей. Думаю, и с Элин будет так же.

Она закрыла дверь и указала на комнату в конце коридора:

– Вон там наша спальня. Вещи Магнуса я не трогала.

Первое, что бросилось в глаза Патрику, – у Кельнеров было такое же постельное белье, как и у них с Эрикой. Белое в синюю клетку, купленное в ИКЕА. От этого ему почему-то стало совсем тяжело на душе. Он почувствовал себя уязвимым.

– Магнус спал на той половине, что ближе к окну.

Патрик подошел к дальней половине кровати. Он предпочел бы осмотреть спальню в одиночестве. Сейчас его не покидало чувство, что он вторгается в чужую жизнь, в чужое личное пространство, не предназначенное для посторонних глаз, и оно лишь усиливалось от того, что Сия стояла в дверях и наблюдала за ним. Он понятия не имел, что именно ищет. Просто у него была потребность приблизиться к Магнусу Кельнеру, увидеть в нем человека, а не только фотографию на стене в своем рабочем кабинете. Взгляд Сии по-прежнему буравил ему спину, и в конце концов он обернулся к ней.

– Не обижайся, пожалуйста, но можно я немного осмотрюсь здесь в одиночестве?

В душе он очень надеялся, что она поймет его.

– Конечно же, извини, – проговорила она и улыбнулась. – Понимаю, что мое присутствие за спиной тебе мешает. Я пойду вниз, займусь делами. Чувствуй себя совершенно свободно.

– Спасибо! – ответил Патрик и присел на край кровати.

Для начала он обследовал прикроватную тумбочку. Очки, пачка листов, которые оказались рукописью «Русалки», пустой стакан и упаковка «Алведона» – вот и все, что он увидел на ней. Выдвинув ящик, Патрик осторожно заглянул внутрь. Но и там не оказалось ничего достойного внимания. Книга в бумажной обложке – «Солнечная буря» Осы Ларссон, упаковка затычек для ушей и пакетик с ментоловыми конфетами.

Патрик поднялся и подошел к шкафу, который занимал собой всю торцевую стену комнаты. Он усмехнулся, когда открыл раздвижные двери и увидел еще одну иллюстрацию того,

что Сия называла разным отношением к уборке. В той половине шкафа, которая была расположена ближе к окну, царил безукоризненный порядок. Все вещи лежали аккуратно свернутыми, носки, трусы, галстуки и ремни разложены по отдельным корзинкам. Выше висели наглаженные рубашки, джемпера и футболки. При виде футболок, развешенных на вешалках, у Патрика голова пошла кругом. Сам он имел обыкновение затолкать их в ящик комода, чтобы потом ворчать по поводу того, что они мятые, когда снова настает черед их надевать.

В этом смысле половина шкафа, принадлежавшая Сие, больше походила на его систему: здесь все было набросано вперемешку, как попало, словно кто-то лишь на минуту открыл двери, наспех побросал вещи внутрь и снова закрыл.

Закрыв раздвижные двери, он посмотрел на кровать. В том, что только одна половина была застелена, таилось нечто невыносимо горькое. Он задумался над тем, можно ли привыкнуть спать на двупальной кровати, когда вторая половина пустует. Уже сама мысль о том, чтобы спать одному, без Эрики, казалась невозможной.

Когда он спустился в кухню, Сия убирала со стола посуду. Она бросила на него вопрошительный взгляд, и он проговорил:

– Спасибо, что ты разрешила мне осмотреть дом. Не знаю, будет ли это иметь значение для следствия, но теперь я чуть больше знаю о Магнусе и о том, каким он был... какой он есть.

– В любом случае это имеет значение. Для меня.

Попрощавшись, он вышел на улицу. Остановился на крыльце и еще раз посмотрел на увядший веночек, висевший на двери. После секундного колебания он снял его с гвоздя. Магнус, большой любитель порядка, вне всяких сомнений, убрал бы его.

* * *

Дети вопили невыносимо громко. Звук отдавался эхом в стенах кухни, и Кристиану казалось, что голова у него сейчас лопнет. Он не спал несколько ночей. Мысли бесконечно роились в голове, и только он отбрасывал одну, как появлялась другая.

У него даже возникала мысль отправиться в свою каморку в рыбацкой хижине и сесть писать. Но в тишине и мраке ночи тени прошлого разгулялись бы еще сильнее, и никакие словесные формулировки не заставили бы их замолчать. Поэтому он оставался неподвижно лежать в постели, глядя в потолок, в то время как безнадежность подступала со всех сторон.

– Ну-ка прекратите! – прикрикнула Санна, разнимая мальчишек, дерущихся из-за пакета какао, который оказался слишком близко к ним. Затем она повернулась к Кристиану, который сидел, глядя в одну точку, так и не притронувшись ни к бутерброду, ни к кофе.

– Было бы очень мило, если бы ты тоже поучаствовал.

– Я очень плохо спал, – проговорил он и отпил глоток остывшего кофе. Поморщился, встал, вылил его в раковину и налил себе нового, добавив в него немного молока.

– Понимаю, что у тебя сейчас много дел, и ты как никто знаешь, что я поддерживала тебя все то время, пока ты работал над книгой. Но даже и моему терпению может наступить предел.

Санна отобрала ложку у Нильса как раз в тот момент, когда тот намеревался ударить ею по лбу старшего брата, и бросила ее в мойку. Затем вздохнула, словно собираясь с силами, готовясь дать волю всему, что так долго копилось на душе. Кристиану более всего хотелось сейчас нажать на «паузу», чтобы отложить этот разговор, на который у него не было сил.

– Я не говорила ни слова, когда ты шел с работы прямо в свою писательскую хижину и сидел весь вечер за письменным столом. Я забирала детей из садика, готовила ужин, кормила их, прибиралась, чистила с ними зубы, читала им сказку и укладывала их спать. Все это я делала день за днем, не жалуясь, в то время как ты мог преспокойно посвятить себя своему бесценному творчеству!

В последних словах слышался сарказм, которого он никогда раньше у нее не замечал. Кристиан закрыл глаза, пытаясь отвлечься от тех слов, которые она бросала ему в лицо. Но она неумолимо продолжала:

– И я безумно рада, что все идет так хорошо. Что книгу издали и что тебе прочтат большое будущее. Все это очень здорово, и ты заслужил каждую минуту славы. Но как же я? Какое место в твоём успехе отведено мне? Меня никто не похвалит, никто не посмотрит на меня и не скажет: «Черт подери, Санна, какая же ты молодец! Как повезло Кристиану, что у него есть ты». И ты сам никогда мне такого не говоришь. Ты считаешь совершенно естественным, что я буду вкалывать, делать всю работу по дому, заниматься детьми, в то время как ты будешь заниматься тем, что «велит тебе долг».

Она взмахнула руками в воздухе, цитируя его слова.

– Естественно, я все это делаю. Я готова и дальше тащить весь воз. Ты знаешь, что я люблю возиться с детьми, но мне тем не менее иногда бывает тяжело. И мне всего лишь хотелось бы услышать от тебя хоть слово благодарности. Неужели я требую слишком многого?

– Санна, не при детях, – пробормотал Кристиан, но тут же почувствовал неуместность этих слов.

– Конечно же, у тебя всегда есть отговорки, почему ты не хочешь со мной разговаривать, не воспринимаешь меня всерьез! Либо ты устал, либо у тебя нет времени, потому что ты должен дописать книгу, либо ты не желаешь разговаривать при детях, либо у тебя найдется еще тысяча причин!

Мальчики сидели притихшие, испуганно переводя глаза с него на Санну, и Кристиан почувствовал, как на место усталости пришел гнев.

Эту черту в поведении Санны он терпеть не мог, и они не раз с ней об этом говорили. Его раздражало, что она втягивала в их конфликты детей. Он понимал, что жена хочет сделать детей своими союзниками в том противостоянии, которое становилось все очевиднее. Но что он мог сделать? Все противоречия объяснялись тем, что он не любит Санну и никогда не любил ее. И она прекрасно это знала, хотя и не решалась признаться в этом даже себе самой. Отчасти он и выбрал ее потому, что она была не тем человеком, которого он мог бы полюбить. Во всяком случае, полюбить так, как...

Он ударил кулаком по столу, и Санна с детьми буквально подпрыгнули от неожиданности. От удара в руке возникла острая боль – как раз то, чего ему и хотелось. Боль отогнала все, о чем он не разрешал себе думать, и Кристиан почувствовал, что ситуация снова под контролем.

– Сейчас не время и не место спорить, – сказал он сухо, избегая смотреть в глаза Санне. Чувствуя спиной ее взгляд, пошел в коридор, надел куртку и ботинки и вышел на улицу. Последнее, что он услышал, захлопывая за собой дверь, – как Санна объясняла детям, что их папа полный идиот.

* * *

Более всего ее утомляла скука. Необходимость заполнять часы, пока дочери в школе, сколь-нибудь осмысленными занятиями. Дела находились всегда: чтобы жизнь Эрика текла ровно, без сучка и без задоринки, приходилось немало потрудиться. В шкафу всегда должны были висеть свежевystищенные, отутюженные рубашки, приемы для деловых партнеров необходимо было спланировать и провести по высшему разряду, а в доме все должно было блистать чистотой. Правда, у них была нанятая уборщица, которая приходила раз в неделю, но и между ее появлениями постоянно приходилось поддерживать порядок. Миллионы мелочей, которые должны были вовремя оказываться под рукой самым естественным образом, словно за этим и не стояла изрядная доля ее труда. Проблема заключалась лишь в том, что от такой жизни она готова была лезть на стенку. Ей нравилось сидеть дома, пока девочки были маленькие. Она

любила возиться с малышами, даже подгузники меняла с удовольствием, чему Эрик не посвящал и секунды своего ценнейшего времени. Но ее все это не волновало, ибо тогда она ощущала себя нужной. Все было исполнено смысла. Именно она являлась центром их вселенной, она вставала по утрам раньше всех и зажигала для них солнце.

Теперь это чудесное время давно миновало. Дочери учились в старших классах, проводили большую часть времени с друзьями или в кружках, а на мать все больше смотрели как на обслуживающий персонал. Как и их отец. К своему глубочайшему разочарованию, она наблюдала, какими избалованными становятся дочери. Компенсируя свое неучастие в их жизни, Эрик вместо этого покупал им все, на что бы они ни указали пальцем, а его презрение к ней постепенно передавалось и им.

Луиза провела рукой по столешнице в кухне. Итальянский мрамор, привезенный по спецзаказу. Эрик сам выбрал его во время одной из своих командировок. Ей мрамор не нравился. Слишком холодный и твердый. Будь у нее возможность выбирать, она предпочла бы дерево, например, темный дуб. Она открыла одну из безукоризненно ровных, блестящих дверей кухонного шкафа. Опять холод, вкус без чувства. К своей рабочей поверхности из темного дуба она выбрала бы белые фасады в деревенском стиле, окрашенные вручную, чтобы следы кисточки виднелись на поверхности, придавая ей жизнь и колорит.

Ладонь Луизы потянулась к большому бокалу для вина. Свадебный подарок родителей Эрика. Разумеется, ручной работы. Прямо за свадебным ужином она выслушала длинную лекцию матери Эрика о маленькой, но эксклюзивной стеклодувной мастерской в Дании, где им сделали эти бокалы по особому заказу.

Что-то в ней встрепенулось, и пальцы сами собой разжались. Бокал разбился на тысячи осколков от удара о черную каменную плитку. Плитка, разумеется, тоже была итальянская. В этом, как и во многом другом, Эрик походил на своих родителей – отечественное его не устраивало. Чем больший путь проделала вещь, тем лучше. Конечно, если она приехала не из Тайваня. Луиза усмехнулась, переступила через осколки стекла и взяла новый бокал, направляясь к картонной упаковке с вином, стоявшей возле мойки. Эрик только фыркал, видя вино в «тетрапаке». Его интересовали только бутылки вина стоимостью в несколько сотен крон. Ему бы и в голову не пришло осквернять свои вкусовые рецепторы вином ценой по двести крон за пять литров. Иногда она втихомолку подливала в его бокал свое вино вместо тех роскошных французских или южноафриканских, которые распивались под длинные рассуждения об их превосходных качествах. Видимо, ее дешевое вино обладало теми же качествами, ибо он ни разу не заметил подмены.

Именно такие мелкие мстительные проделки позволяли ей выносить свое положение, не расстраиваться по поводу того, что он настраивает против нее дочерей и трахается с ее парикмахершей.

Луиза подставила бокал под краник, наполнила его до краев и чокнулась с собственным отражением в полированной стальной дверце холодильника.

* * *

Мысль о письмах не оставляла Эрику. В тревоге она бродила туда-сюда по дому, но в конце концов ей пришлось присесть за кухонный стол, когда ноющая боль в крестце стала невыносимой. Взяв блокнот и ручку, она поспешно записала то, что ей запомнилось из писем, которые она видела дома у Кристиана. У нее была отличная память на тексты, так что ей, скорее всего, удалось восстановить все письма почти дословно.

Снова и снова перечитывая свои записи, она чувствовала, что с каждым разом короткие строчки кажутся ей все более и более угрожающими. У кого могли быть причины так ненавидеть Кристиана? Эрика только покачала головой. Невозможно было определить, кто написал

письма – женщина или мужчина. Но что-то в их тоне, в строении фразы и выборе выражений наводило на мысль, что за ними стоит женщина. Это была женская ненависть, не мужская.

Поколебавшись, она потянулась к телефону, но потом отдернула руку. Вероятно, это глупая затея. Но прочтя слова в блокноте еще раз, она все же схватила мобильник и набрала номер, который знала наизусть, – Габи.

Директор издательства ответила после первого же сигнала.

– Привет, это Эрика.

– Эрика! – И без того резкий голос Габи поднялся еще на октаву, так что Эрике пришлось держать телефон на расстоянии от уха. – Как дела, дорогая? Детки еще не собрались выбраться на свет божий? Ты же знаешь, близнецы обычно рождаются раньше!

Казалось, Габи разговаривает на бегу.

– Нет, пока никаких предвестников, – ответила Эрика, стараясь сдержать раздражение. Она не понимала, почему все, как сговорившись, без конца повторяют ей, что близнецы обычно рождаются раньше срока. В любом случае она сама это скоро узнает. – Я звоню по поводу Кристиана.

– Да-да, как у него дела? – спросила Габи. – Я пыталась дозвониться до него, но его милашка жена отвечает, что его нет дома, во что я ни капли не верю. Ужасно, когда он вот так взял и рухнул в обморок. Завтра утром у него первая встреча с читателями с раздачей автографов, и мы должны как можно скорее знать, нужно ли ее отменять, что, конечно, было бы крайне нежелательно.

– Я встречалась с ним, и он вполне в состоянии завтра подписывать книги. По этому поводу ты можешь не волноваться, – проговорила Эрика и сделала паузу, готовясь перейти к главной теме. Сделав глубокий вдох, насколько позволял ее сильно сокращенный объем легких, она продолжала: – Я хотела спросить тебя об одном деле.

– Пожалуйста, спрашивай.

– В издательство не приходило ничего такого, что касалось бы Кристиана?

– Что ты имеешь в виду?

– Меня интересует, не приходили ли письма или сообщения по электронной почте для Кристиана или по поводу него. Угрожающего содержания.

– Письма с угрозами?

Эрика все больше чувствовала себя как ребенок, нажаловавшийся учительнице на одноклассника, но отступать было уже поздно.

– Дело в том, что в течение последних полутора лет Кристиан получал письма с угрозами – примерно с тех пор, как начал работать над книгой. И я вижу, что его это сильно беспокоит, хотя он и не желает в этом признаваться. Я подумала, что и в издательство могли прислать что-нибудь в этом духе.

– Боже мой, да что ты такое говоришь? Нет, нам ничего такого не приходило. А там написано, от кого они? Кристиан знает, кто их написал?

– Они анонимные, и мне показалось, что Кристиан не догадывается, от кого они. Но ты знаешь его – не факт, что он рассказал бы, даже если бы знал. Если бы не Санна, я бы вообще ничего не узнала. Его обморок на вчерашнем приеме связан с тем, что открытка на букете была от того же человека, который посылал ему письма.

– Просто безумие какое-то! Это как-то связано с книгой?

– Этот вопрос я задала самому Кристиану. Но он решительно заявляет, что никто не может чувствовать себя задетым тем, что написано в книге.

– Да уж, все это просто ужасно. Позвони мне, если выяснишь что-нибудь еще, хорошо?

– Постараюсь, – ответила Эрика. – И, пожалуйста, не говори Кристиану, что я тебе об этом рассказала.

– Разумеется, не скажу. Все это останется между нами. Буду строго следить за корреспонденцией, которая касается Кристиана. Сейчас, когда книга появится в продаже, письма пойдут.

– Приятно, что он получил такие отзывы критиков, – проговорила Эрика, чтобы сменить тему.

– Это просто потрясающе! – воскликнула Габи с энтузиазмом, так что Эрике снова пришлось держать трубку на расстоянии. – Я уже слышала краем уха разговоры, что его собираются выдвинуть на соискание премии Августа Стриндберга. Не говоря уже о том, что десять тысяч экземпляров уже отправились в магазины.

– Невероятно, – пробормотала Эрика, и ее сердце переполнилось гордостью. Она как никто знала, сколько труда вложил Кристиан в эту рукопись, и ее безгранично радовало, что усилия оказались небесплодными.

– Согласна, моя дорогая, – прощепетала Габи. – Прости, не могу больше говорить, мне нужно сделать пару срочных звонков.

Что-то в последней реплике Габи испортило Эрике настроение. Наверное, следовало сначала подумать, прежде чем звонить главе издательства. Подумать, успокоиться. Словно в подтверждение этой мысли, один из близнецов сильно пнул ее под ребра.

* * *

Это было такое странное чувство – счастье. Поначалу Анна долго привыкала к нему и не сразу научилась жить с ним. Но это было так давно, что теперь уже и не скажешь, было ли это на самом деле.

– Дай сюда! – крикнула Белинда и кинулась вслед за Лисен, младшей дочерью Дана, которая с визгом спряталась за Анной, сжимая в руке зубную щетку старшей сестры. – Я не разрешаю брать мои вещи! Дай сюда!

– Анна! – Голос Лисен звучал умоляюще, но Анна вытащила ее из-за спины и поставила перед собой.

– Если ты взяла зубную щетку Белинды без разрешения, то немедленно верни.

– Вот так тебе! – воскликнула Белинда.

Анна бросила на нее строгий взгляд.

– А тебе, Белинда, совершенно необязательно гонять сестру по всему дому!

Белинда пожала плечами:

– Кто берет мои вещи, пусть пеняет сам на себя.

– Вот скоро родится братик, – сказала Лисен, – он все твои вещи раздерет!

– Я все равно скоро буду жить отдельно, так что портить он будет твои вещи! – ответила Белинда и высунула язык.

– Послушай, тебе сколько лет – восемнадцать или пять? – проговорила Анна, не в силах сдержать улыбку. – Почему вы так уверены, что будет мальчик?

– Мама говорит, что когда у тетеньки становится такая большая попа, как у тебя, – значит, будет мальчик.

– Цыц! – прикрикнула Белинда, сверкнув глазами на Лисен, которая не совсем поняла, что именно сказала не так. – Извини, – добавила она, обращаясь к Анне.

– Да ничего страшного, – проговорила Анна, улыбаясь, но в глубине души все же почувствовала себя задетой.

Стало быть, бывшая жена Дана считает, что у нее толстая задница. Однако даже такие комментарии, которые, впрочем, не лишены были доли истины, не могли испортить ей настроение. Она, без всяких преувеличений, побывала на самом дне, и дети – вместе с ней. Несмотря на все, что им довелось пережить, Эмма и Адриан стали спокойными и уравновешенными ребятами. Иногда ей с трудом верилось, что все это не сон.

– Ты обещаешь хорошо вести себя при гостях? – спросила мать, глядя на него серьезным взглядом.

Он кивнул. Никогда в жизни ему не пришло бы в голову вести себя плохо – так, чтобы матери стало за него стыдно. Единственное, чего бы ему хотелось, – всегда и во всем угождать ей, чтобы она продолжала любить его.

Зазвенел дверной звонок, и мать резко поднялась.

– Они пришли!

В ее голосе ему послышалось радостное возбуждение – новый оттенок, встревоживший его. Иногда мать преображалась до неузнаваемости после этого мелодичного звука, который сейчас отдавался вибрацией в стенах ее спальни. Но ведь необязательно, чтобы и в этот раз все было именно так.

– Давайте повешу ваше пальто, – донесся из холла голос отца, сопровождаемый неразборчивым бормотанием гостей.

– Иди к ним, я сейчас приду.

Мать махнула ему рукой, и он ощутил запах ее духов. Она присела на пуфик перед туалетным столиком и еще раз проверила, в порядке ли прическа и макияж, с удовольствием разглядывая свое отражение в зеркале. Он замер на пороге, с восторгом глядя на нее. Когда их глаза встретились в зеркале, между ее бровей пролегла недовольная морщинка.

– Разве я не сказала тебе, чтобы ты спускался вниз? – спросила она строго, и он почувствовал, как чернота на мгновение снова сжала его в своих объятиях.

Смущенно опустив голову, он стал спускаться в холл, откуда доносилось гудение голосов. Матери не придется за него краснеть.

При каждом вздохе горло обжигало холодным воздухом. Он обожал это чувство. Все считали, что только сумасшедший может совершать пробежки зимой. Но он предпочитал тренироваться зимой, чем летом в гудящий зной. А в выходные, как сегодня, он пользовался случаем, чтобы пробежать лишний круг.

Кеннет бросил взгляд на свои часы. В них имелись все функции, необходимые для успешной тренировки: измеритель пульса, шагомер, даже память на результаты предыдущей пробежки.

Сейчас его целью было пробежать Стокгольмский марафон. Он уже участвовал в нем дважды, так же как и в Копенгагенском марафоне. Двадцать лет он регулярно бегал, и если бы его спросили, как он хочет умереть, он предпочел бы через двадцать-тридцать лет упасть прямо на бегу. То чувство, которое его охватывало, когда он бежал, когда ноги несли его вперед, отбивая четкий ритм, постепенно сливающийся с биением сердца, – это чувство невозможно было сравнить ни с чем. Даже усталость, тяжесть в ногах, когда выделялась молочная кислота, стала привычной вещью, от которой он с годами научился получать удовольствие. Когда он бежал, то чувствовал, что живет. Лучше он и не мог бы это объяснить.

Приближаясь к дому, он замедлил темп. Прямо перед своим крыльцом некоторое время совершал бег на месте, затем, взявшись за перила, сделал растяжку. Воздух вырывался изо рта белым облаком, и он чувствовал себя чистым и сильным, пробежав в быстром темпе двадцать километров.

– Это ты, Кеннет? – донесся голос Лисбет из гостевой комнаты, когда он хлопнул входной дверью.

– Да, это я, моя дорогая. Я сейчас быстренько приму душ и приду к тебе.

Повернув кран горячей воды до предела, он встал под жесткие струи. Этот момент был, пожалуй, самым приятным. Он испытывал такое блаженство, что только усилием воли мог

заставить себя выйти из-под душа. Вылезая из душевой кабины, он поежился. По сравнению с атмосферой там, внутри, в ванной было холодно, как на Северном полюсе.

– Ты принесешь мне газету?

– Конечно, моя дорогая!

Джинсы, футболка и джемпер – и он готов. Засунув ноги в кроксы, купленные летом, он побежал к почтовому ящику, висевшему на заборе. Вынимая газету, заметил письмо, прилипшее к ее сгибу. Должно быть, не заметил его вчера. Когда он прочел свое имя, написанное черными чернилами, в животе у него все сжалось. Только не это!

Войдя в дом, он тут же вскрыл конверт и прочел письмо, стоя в холле. Текст был краткий и странный.

Кеннет перевернул карточку, чтобы посмотреть, нет ли там еще чего-нибудь. Но нет, ничего. Только две загадочные строчки.

– Ты чего так долго, Кеннет?

Он поспешно спрятал письмо.

– Мне тут надо было кое-что проверить. Уже иду!

Держа в руках газету, он направился к двери ее комнаты. Белая карточка, исписанная причудливым почерком, жгла задний карман брюк.

* * *

Это уже стало дурной привычкой – почти зависимостью. Она не могла обходиться без того чувства восторга, которое охватывало ее, когда она читала его почту, рылась у него в карманах, скрупулезно проверяла его счета. Каждый раз, не обнаружив ничего предосудительного, она буквально расслаблялась всем телом. Но этого хватало ненадолго. Вскоре ее снова охватывала тревога, напряжение нарастало, и в конце концов все ее рациональные аргументы, что так нельзя, что надо сдерживаться, рушились. И она снова садилась за компьютер. Вводила адрес и пароль от его почтового ящика, который давно раскусила. У него везде был один пароль – дата рождения, чтобы легко было запоминать.

На самом деле у нее не было никаких оснований для подозрений, которые жгли ей грудь, царапали ее изнутри, так что временами ей буквально хотелось кричать. Кристиан никогда не давал ей никакого повода. За все эти годы постоянных проверок она ни разу не обнаружила ничего странного. Казалось, он ясен, как открытая книга, но это было не так. Иногда у нее возникало чувство, что он находится где-то совсем в другом месте, в другом мире, куда она не имеет допуска. И почему муж так мало рассказывал о себе? Сказал, что его родители давно умерли, и ей ни разу не довелось встречаться хоть с кем-нибудь из его родственников, которые у него все же должны быть. Друзей детства у него тоже не было, и никакие старые знакомые никогда не проявлялись. Создавалось впечатление, что он начал существовать в тот самый миг, когда познакомился с ней и переехал во Фьельбаку. Она даже не видела никогда квартиру в Гётеборге, где он тогда жил, – Кристиан нанял фургон и поехал туда один, чтобы привезти свои немногочисленные пожитки.

Санна пробежала глазами новые сообщения в папке «Входящие». Несколько писем от издательства, несколько газет, которые хотели взять у него интервью, общая рассылка от муниципалитета касательно его работы в библиотеке. Ничего особенного.

Как всегда, на душе у нее было светло и легко, когда она вышла из его почтовой программы. Прежде чем отключить компьютер, она по привычке проверила список последних посещенных сайтов, но и там не обнаружилось ничего необычного. Кристиан заходил на сайт

«Экспрессен» и «Афтонбладет»⁵, на сайт издательства, да еще искал новое детское автокресло в интернет-магазине.

Но что все-таки за странная история с письмами? Он упрямо повторял, что понятия не имеет, кто стоит за этими загадочными строчками. Однако что-то в его тоне противоречило словам. Санна не могла точно сказать, что именно, и это доводило ее до полного отчаяния. Что он скрывает? Кто посылает ему эти письма? Может быть, они от любовницы? От бывшей любовницы?

Она сжала кулаки, потом разжала их и заставила себя дышать спокойно. Краткое ощущение облегчения ускользнуло, и она напрасно внушала себе, что все в порядке. Уверенность. Вот и все, что ей нужно. Она хотела знать, что Кристиан любит ее.

Но в глубине души она осознавала, что на самом деле он никогда ей не принадлежал. Кристиан всегда искал что-то другое, кого-то другого – все годы их совместной жизни. Она знала, что он никогда не любил ее. Во всяком случае, по-настоящему. И в один прекрасный день он найдет то, что искал, – ту, которую он на самом деле полюбит, а она останется одна.

Санна обхватила себя обеими руками. Затем встала со стула. Вчера почта принесла очередную распечатку от мобильного оператора Кристиана. Ее проверка займет некоторое время.

* * *

Эрика бесцельно бродила по дому. От этого бесконечного ожидания она уже готова была лезть на стену. Последняя книга готова, затевать новый проект сейчас не было сил. А заниматься домашними делами она могла лишь недолго – спина и суставы тут же начинали болеть. Так что ей оставалось лишь читать или смотреть телевизор. Или заниматься тем, чем она занималась сейчас, – бродить по дому в состоянии совершенной потерянности. Но сегодня, по крайней мере, суббота, и Патрик дома. Он увел Майю на прогулку, чтобы она подышала воздухом. Эрика считала минуты до их возвращения.

Звонок во входную дверь заставил ее сердце подпрыгнуть в груди от неожиданности. Прежде чем она успела открыть, дверь распахнулась, и в холл ввалилась Анна.

– Ну что, ты тоже сходишь с ума от всего этого кошмара? – спросила она и скинула куртку и шарф.

– Еще бы! – воскликнула Эрика и почувствовала, как настроение у нее сразу улучшилось. Они прошли в кухню, и Анна кинула на стол пакет, запотевший изнутри.

– Свеженькие булочки. Белинда сама испекла.

– Белинда сама испекла? – переспросила Эрика, пытаясь представить себе старшую падчерицу Анны в переднике, раскатывающую тесто руками с черным маникюром.

– Она влюблена, – проговорила Анна, словно это все объясняло. Наверное, отчасти так оно и было.

– Да? Что-то не припомню, чтобы этот побочный эффект влюбленности когда-либо сказывался на мне, – проговорила Эрика, выкладывая булочки на блюдо.

– Судя по всему, он сказал ей вчера, что любит хозяйственных девушек, – усмехнулась Анна, поднимая одну бровь и со значением глядя на Эрику.

– Да что ты говоришь? Как он посмел?

Анна расхохоталась и потянулась за очередной булочкой.

– Спокойствие, только спокойствие! Тебе не придется отправляться к нему домой и перевоспитывать. Я видела этого парня – будь уверена, через неделю Белинда не захочет его видеть и вернется к своим мальчикам, которые одеты во все черное, играют в скандальных группах и совершенно не интересуются, хозяйственная она или нет.

---

⁵ Крупнейшие вечерние газеты.

– Будем надеяться, что так и будет. Однако булочки получились отменные, – проговорила Эрика, откусывая кусочек, и невольно зажмурилась от удовольствия. Свежеиспеченные булочки служили для нее источником почти неземного наслаждения.

– Да уж, при таких габаритах, как у нас с тобой, можно, во всяком случае, смело лопать булочки, – сказала Анна и взяла вторую.

– Да, но потом за это придется расплачиваться, – ответила Эрика, но не могла не последовать примеру сестры и тоже взяла вторую. У Белинды выявился редкостный талант.

– С близнецами ты все это быстренько растрясешь, – рассмеялась Анна.

– Ты наверняка права, – проговорила Эрика и задумалась о своем.

Кажется, сестра почувствовала, о чем она думает.

– Все будет отлично. К тому же на этот раз ты не одна, у тебя будет такая прекрасная компания! Мы с тобой поставим два кресла перед телевизором, будем сидеть рядышком и кормить наших младенцев.

– И по очереди звонить и заказывать еду с доставкой на дом к приходу наших дорогих мужей.

– Вот видишь! Все будет просто супер, – Анна со стоном откинулась на стуле и облизала пальцы. – Все, я наелась.

Положив отекавшие ноги на стул, стоявший рядом, она сложила руки на животе и спросила:

– Ну что, ты поговорила с Кристианом?

– Да, я была у него в четверг.

Эрика последовала примеру Анны и тоже положила ноги на стул. Одинокая булочка, оставшаяся на блюде, буквально умоляла, чтобы ее съели, и после небольшой внутренней борьбы Эрика потянулась и взяла ее.

– Так что же все-таки случилось?

На мгновение Эрика заколебалась, однако она не привыкла скрывать что-либо от сестры и в конце концов рассказала ей обо всех письмах со зловещим содержанием.

– Боже, какой ужас! – воскликнула Анна и покачала головой. – И еще очень странно, что они начали приходить до того, как книга вышла в свет. Логичнее было бы, если бы они начали приходить сейчас, когда о Кристиане стала появляться информация в прессе. Я имею в виду – ему пишет человек, который явно не в себе.

– Да, похоже на то. Между тем Кристиан не желает относиться к этому всерьез. Во всяком случае, так он говорит. Зато я заметила, что Санна всерьез обеспокоена.

– Ничего удивительного, – сказала Анна и стала собирать пальцем крупинки сахара, оставшиеся на блюде.

– Во всяком случае, сегодня он будет раздавать автографы, – проговорила Эрика, и в ее голосе прозвучала гордость. Она во многом чувствовала себя причастной к успеху Кристиана и к тому же заново переживала вместе с ним свой писательский дебют. Ей вспомнилось, как она подписывала свои первые книги. Это было ни с чем не сравнимое чувство.

– Ух ты, здорово! А где он будет раздавать автографы?

– Сначала в книжном магазинчике «Книги и канцелярия», а затем в «Букиа» в Уддевалле.

– Надеюсь, народ повалит. Жаль будет, если ему придется сидеть там в одиночестве.

Эрика сморщилась, вспоминая свою первую автограф-сессию в книжном магазине в Стокгольме. Целый час она просидела, изо всех стараясь делать веселое лицо, в то время как люди проходили мимо, не обращая на нее никакого внимания.

– О нем так много писали в газетах, что кто-нибудь наверняка придет. По крайней мере, из любопытства, – ответила она, от души надеясь, что так и будет.

– И какое счастье, что газеты пока не разнюхали про всю эту историю с угрозами, – проговорила Анна.

– Да уж, повезло, – кивнула Эрика и заговорила о другом. Однако чувство смутной тревоги не покидало ее.

Они собирались поехать в отпуск, и он не мог дожидаться этого дня. Он не понимал до конца, что это значит, но слово звучало так многообещающе – «отпуск». И они поедут в вагончике-прицепе, который стоит на участке.

Ему никогда не разрешалось туда заходить. Несколько раз он пытался заглянуть внутрь через окно, завешанное коричневыми шторами, но ему ничего не удавалось разглядеть, а дверь всегда была на замке. Теперь же мать затеяла уборку. Дверь прицепа стояла нараспашку, чтобы «хорошенько проветрить», как сказала мать, и множество подушек отправилось напрямик в стиральную машину, чтобы отстираться затхлый зимний запах.

Все представлялось каким-то сказочным приключением. Его волновало, разрешат ли ему сидеть в прицепе, пока они едут, – в маленьком движущемся домике, летящем навстречу новому и неизведанному. Но спросить об этом он не решался. В последнее время у матери было непонятное настроение. Жесткие ноты в ее голосе звучали все отчетливее, отец все чаще уходил на прогулки или сидел, спрятавшись за газетой.

Иногда он замечал, что она смотрит на него каким-то странным взглядом. В ее глазах появилось какое-то новое выражение, которое пугало его и отбрасывало назад в ту темноту, которую он оставил позади.

– Ну что, ты так и будешь стоять и пялиться или все-таки собираешься мне помочь? – спросила мать, упершись руками в бока.

Он вздрогнул от суровых ноток в ее голосе и поспешно подбежал к ней.

– Возьми вот это и отнеси в прачечную, – сказала она и швырнула ему несколько дурно пахнущих одеял с такой силой, что он едва устоял на ногах.

– Да, мамочка, – пробормотал он и кинулся выполнять ее поручение.

Если бы он только знал, в чем провинился! Ведь он во всем слушался мать. Никогда не противоречил ей, хорошо себя вел и не оставлял за собой грязи. И все равно иногда казалось, что она его просто видеть не может.

Он пытался поговорить об этом с отцом. Собрался с духом в одну из тех редких минут, когда они оказались вдвоем, и спросил: почему мать его больше не любит? Отец на мгновение отложил газету и коротко ответил, что все это глупости и что он больше не желает об этом слышать. Мать очень расстроилась бы, если бы услышала его слова. Он должен быть благодарен, что обрел такую мать.

Больше он не задавал вопросов. Менее всего ему хотелось расстраивать маму. Он мечтал только о том, чтобы она была весела и снова гладила его по волосам, называя своим любимым мальчиком. Вот и все, что ему было нужно.

Положив одеяла рядом со стиральной машиной, он усилием воли отогнал от себя все тяжелое и мрачное. Они поедут в отпуск. На машине с вагончиком-прицепом.

Кристиан сидел и постукивал ручкой по маленькому столику, выставленному в помещении магазина. Рядом с ним лежала пачка свежестопечатанных книг. Он по-прежнему не мог оторвать от них взгляда, так это было невероятно – видеть свое имя на обложке книги. Настоящей книги.

Правда, толпа до сих пор не собралась, и он подозревал, что наплыва страждущих не будет. Народ собирается только на Гийу или Марклунд⁶. Сам он был вполне доволен уже тем, что его попросили поставить свой автограф на пяти экземплярах «Русалки».

---

⁶ Ян Гийу и Лиса Марклунд – знаменитые шведские авторы детективов.

Однако он чувствовал себя достаточно потерянным. Люди проходили мимо, бросали на него любопытные взгляды, но не останавливались. Он не знал, как себя вести – здороваться, когда они смотрели на него, или делать вид, что занят своими делами.

На помощь ему пришла Гуннель, владелица книжного магазина. Подойдя к нему, она кивнула на стопку книг.

– Послушай, не мог бы ты подписать несколько экземпляров для магазина? Хорошо было бы иметь несколько штук с твоими автографами, чтобы продать их потом.

– Конечно. Сколько? – спросил Кристиан, радуясь тому, что для него нашлось занятие.

– Ну, штук десять, – ответила Гуннель и поправила несколько книг, торчавших из стопки.

– Без проблем.

– Мы распространили информацию, – сказала Гуннель.

– Не сомневаюсь, – проговорил Кристиан и улыбнулся. Он понимал, что хозяйка боится, как бы он не подумал, что отсутствие поклонников – результат недоработки магазина. – Мое имя мало кому известно, так что я и не ожидал ничего особенного.

– Но несколько экземпляров уже купили, – любезно ответила она и отошла, чтобы помочь за кассой.

Взяв из стопки одну из книг, Кристиан снял колпачок с ручки, чтобы начать. Уголком глаза он отметил, что кто-то подошел и встал рядом с его столом. Когда он поднял глаза, прямо у него перед носом оказался большой желтый микрофон.

– Мы находимся в книжном магазине, где Кристиан Тюдель как раз ставит автографы на свой дебютный роман «Русалка». Кристиан, твое имя сегодня не сходит с первых страниц газет. Насколько ты обеспокоен угрозами? Подключена ли к делу полиция?

Репортер, который даже не потрудился представиться, но, судя по табличке на микрофоне, представлял местное радио, требовательно смотрел на него.

В голове у Кристиана воцарилась звенящая пустота – ни единой мысли.

– С первых страниц газет? – переспросил он.

– Да, ты красуешься на рекламных щитах «Гётеборгс Постен», разве ты еще не видел? – И, не дожидаясь ответа Кристиана, снова повторил вопрос, который только что задал: – Ты всерьез встревожен угрозами? Полиция охраняет тебя сегодня?

Репортер оглядел помещение, но потом снова обратил свое внимание на Кристиана, который так и сидел, занеся ручку над книгой.

– Не понимаю, каким образом... – пробормотал он.

– Но ведь это правда? Ты получал письма угрожающего характера во время работы над книгой, а в среду упал в обморок, когда очередное письмо прибыло прямо на прием по случаю твоего дебюта...

– Да, – проговорил Кристиан и почувствовал, что ему не хватает воздуха.

– Ты знаешь, кто посылал эти письма? Известно ли об этом полиции?

Микрофон снова оказался всего в нескольких сантиметрах от его губ, и Кристиан с трудом сдержался, чтобы не оттолкнуть его от себя. Он не желал отвечать на эти вопросы. Тем более не понимал, как журналисты все это разнюхали. И еще он подумал о письме, которое лежало в кармане его пиджака. Оно пришло накануне, и он успел вытащить его из кипы почты до того, как оно попало на глаза Санне.

В панике он стал озираясь, ища пути к отступлению. Гуннель заметила его взгляд и, кажется, сразу поняла, что что-то не так.

Она подошла к ним.

– Что здесь происходит?

– Я беру интервью.

– А вы спросили у него, желает ли он давать вам интервью?

Она посмотрела на Кристиана, который отрицательно покачал головой.

– Тогда никаких интервью. Кроме того, Кристиан занят. Он ставит автографы на книги для моего магазина. Так что попрошу вас оставить его в покое.

– Да, но... – начал было радиожурналист, но потом снова закрыл рот. Он нажал на кнопку на своей аппаратуре. – А не могли бы мы устроить небольшое интервью после...

– Вон! – строго произнесла Гуннель, и Кристиан невольно улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он, когда журналист удалился.

– А чего он хотел? Он так на тебя наседал.

Облегчение по поводу того, что он отделался от журналиста, оказалось мимолетным. Кристиан сглотнул и произнес:

– Он сказал, что мое имя фигурирует сегодня на рекламных щитах «ГП». Я получил несколько писем с угрозами, и, по всей видимости, СМИ докопались до этого.

– Ой-ой! – воскликнула Гуннель, с тревогой глядя на него. – Хочешь, я пойду и куплю газету, чтобы ты знал, что там пишут?

– Ты могла бы оказать мне такую любезность? – проговорил он, чувствуя, как учащенно бьется сердце.

– Да-да, сейчас схожу, – сказала она, похлопала его по плечу и ушла.

Некоторое время Кристиан сидел неподвижно, глядя в одну точку. Затем снова взял ручку и стал ставить свой автограф на книгах, как его попросила Гуннель. Через несколько минут он почувствовал, что ему нужно выйти в туалет. К столу по-прежнему мало кто подходил, так что он без проблем мог отлучиться.

Кристиан прошел через зал в заднее помещение магазина и всего несколько минут спустя вернулся на свое место. Гуннель еще не пришла, и он постарался мысленно подготовиться к тому, что увидит в газете.

Кристиан снова взял ручку, но тут взгляд его остановился на стопке книг, которые ему предстояло подписывать. Разве так он их оставил? Что-то изменилось за то время, пока он отходил в туалет, и первая его мысль была, что кто-то воспользовался случаем и стащил одну из книг. Однако стопка вроде бы не уменьшилась, поэтому он решил, что ему показалось, и открыл верхнюю книгу, чтобы написать несколько теплых слов будущему читателю.

На странице под обложкой чернела надпись. И почерк был ему слишком хорошо знаком. Она уже побывала тут.

Гуннель подошла и протянула ему свежий номер «ГП» – он увидел свою фотографию на первой странице и понял, что это значит. Прошлое настигает его. Она никогда не отступит.

* * *

– Бог ты мой, ты хоть представляешь себе, сколько денег спустила, когда последний раз ездила в Гётеборг? – воскликнул Эрик, сидевший с распечаткой расходов по кредитной карте в руках.

– Да, думаю, тысяч десять, – ответила Луиза, преспокойно продолжая красить ногти.

– Десять тысяч! Как можно выкинуть десять тысяч за один поход по магазинам? – продолжал Эрик и, помахав в воздухе листком, швырнул его перед собой на кухонный стол.

– А возьми я еще ту сумочку, которая мне так приглянулась, получилось бы около тридцати, – добавила она, с удовлетворением разглядывая розовый цвет своих ногтей.

– Да ты просто сошла с ума, черт подери! – прорычал Эрик. Он снова схватил счет и уставился на него, словно мог усилием воли изменить итоговую сумму.

– А что, мы не можем себе этого позволить? – спросила жена, глядя на него с чуть заметной улыбкой.

– Речь не о том, что мы можем, а чего не можем себе позволить. Речь идет о том, что я вкалываю с утра до ночи, зарабатывая деньги, а ты спускаешь их на всякие глупости.

– Ну да, мне же совершенно нечем заняться, – ответила Луиза и встала, размахивая руками, чтобы лак поскорее высох. – Сажу вот тут, конфеты кушаю да сериалы смотрю. И девочек наверняка ты вырастил, я ведь тут совершенно ни при чем, правда? Ты менял подгузники, кормил, убирал, поддерживал в доме порядок. Разве не так?

Она прошла мимо, даже не взглянув на него.

Такого рода дискуссии они уже вели и до этого не менее тысячи раз. И знали, что это повторится еще тысячу раз, если не произойдет никаких неожиданных изменений. Они вели себя словно два давних партнера по танцу, где каждый прекрасно знал свою партию и элегантно исполнял ее.

– Вот одна из моих самых удачных покупок в Гётеборге. Правда, симпатичная? – Она взяла кожаную куртку, висевшую на вешалке в холле. – У них была распродажа, она обошлась мне всего в четыре тысячи.

Подержав куртку перед собой, жена повесила ее на место и стала подниматься вверх по лестнице.

Похоже, и в этом поединке никто не окажется победителем. Противники были равны по силе, и все их схватки за долгие годы совместной жизни всегда кончались вничью. Как ни грустно, пожалуй, было бы даже лучше, если бы один из них оказался слабее – тогда их несчастливый союз мог бы закончиться.

– В следующий раз я заморожу твою карту! – крикнул он ей вслед. Девочки ушли к подружке, так что не было причин говорить вполголоса.

– Пока ты тратишь деньги на своих любовниц, мою карту не тронь! Ты думаешь, только ты умеешь читать распечатки к банковским картам?

Эрик выругался. Он понимал, что надо изменить адрес, чтобы распечатки приходили на его офис. Нельзя было отрицать, что он щедро одаривал тех, кому выпадала честь принимать его в своей постели. Снова выругавшись, он засунул ноги в ботинки. Эрик понимал, что в этом раунде победителем вышла Луиза и что она тоже прекрасно это понимает.

– Я съезжу за газетой! – крикнул он и захлопнул за собой входную дверь.

Гравий полетел во все стороны, когда Эрик рванул с места на своем «BMW». Пульс нормализовался только тогда, когда он подъехал к городку. Если бы у него в свое время хватило ума подписать брачный контракт! Тогда Луиза давно уже стала бы лишь воспоминанием. Но в те времена оба они были нищими студентами, а когда он завел разговор об этом пару лет назад, Луиза откровенно рассмеялась ему в лицо. Но теперь он категорически не желал отдавать ей половину того, что было создано упорным трудом за столькие годы. Ни за что! Он стукнул кулаком по рулю, однако взял себя в руки, въезжая на парковку перед универсамом.

Закупки всегда были делом Луизы, так что он быстро миновал полки с продуктами. На некоторое время он задержался перед отделом сладостей, но решил воздержаться. Направившись к стойке с газетами, стоявшей у кассы, вдруг замер на ходу. Черные буквы на рекламном щите выкрикивали: «Новая звезда на литературном небосклоне Кристиан Тюдель живет под страхом смерти!» Ниже красовалась приписка более мелким шрифтом: «Получив на торжественном приеме письмо с угрозами, начинающий писатель упал в обморок».

Усилием воли Эрик заставил себя подойти. Ему казалось, что он ступает по пояс в воде. Взяв в руки свежий номер «ГП», он дрожащими руками перелистал его, ища нужную страницу. Прочитав статью, кинулся к выходу. Откуда-то издалека до него донесся голос кассирши, окликавшей его – он не заплатил за газету. Но Эрик бежал, не останавливаясь. Ему во что бы то ни стало надо было быть дома.

* * *

– Как, черт подери, журналисты пронюхали обо всей этой истории?

Патрик с Майей только что вернулись из магазина. Вынимая продукты и складывая их в холодильник, Патрик швырнул на стол свежий номер «ГП». Майя вскарабкалась на один из стульев и радостно помогала вынимать продукты из пакета.

– Ох... – вырвалось у Эрики.

Патрик замер. Он слишком хорошо знал свою жену и понимал все с полуслова.

– Что ты натворила, Эрика? – воскликнул он, застыв с коробкой маргарина в руке, и посмотрел прямо в глаза жене.

– Боюсь, утечка информации произошла по моей вине.

– Каким образом? С кем ты разговаривала?

Даже Майя почувствовала, как накалилась атмосфера в кухне – замерев на месте, она не сводила глаз с мамы. Эрика сглотнула и собралась с духом.

– С Габи.

– С Габи?! – Патрик буквально поперхнулся. – Ты рассказала Габи? Можно было с таким же успехом позвонить прямо в «ГП»!

– Я не подумала...

– Да уж, можно с уверенностью сказать, что ты не подумала. А что думает по этому поводу сам Кристиан? – спросил Патрик, указывая на броские заголовки.

– Не знаю, – пробормотала Эрика. Все ее внутренности сжались в холодный ком при мысли о том, как отреагирует Кристиан.

– Как полицейский, могу сказать, что это худший из всех вариантов. Внимание СМИ может подстегнуть не только того, кто написал письма, но и спровоцировать других начать писать угрозы.

– Не ругай меня, я знаю, что совершила ужасную глупость, – проговорила Эрика, чувствуя, что вот-вот расплачется. Она и в обычном своем состоянии была чувствительна, а гормональные изменения во время беременности сделали ее еще более ранимой. – Я правда не подумала. Позвонила Габи, чтобы спросить, не приходили ли письма с угрозами на адрес издательства. И едва я рассказала ей о письмах, как осознала свою ошибку, но было уже поздно...

Голос предательски дрогнул, и она расплакалась навзрыд.

Патрик протянул ей бумажный платок, а потом обнял и погладил по волосам.

– Дорогая, не расстраивайся, – прошептал он ей на ухо. – Извини, я немного погорячился. Прекрасно понимаю, что ты никак не ожидала такого развития событий. Ну-ну...

Он стал покачивать ее в своих объятиях, и она почувствовала, что ей стало легче.

– Я не могла себе представить, что она так поступит...

– Знаю, знаю. Но она человек совсем иного типа, чем ты. И тебе надо понять, что не все рассуждают одинаково.

Он чуть отстранил ее от себя и заглянул в глаза. Эрика вытерла слезы платком, который дал Патрик.

– Что же мне делать теперь?

– Пойти к Кристиану и поговорить с ним. Попросить прощения и объясниться.

– Но...

– Никаких «но». Это единственное решение.

– Ты прав, – вздохнула Эрика. – Но я вынуждена отказаться от такого шага. И я намерена всерьез поговорить об этом с Габи.

– В первую очередь тебе следует всерьез подумать о том, что ты говоришь и кому. Габи в первую очередь думает об успехе своего предприятия, а вы для нее – второй приоритет. Так устроен мир бизнеса.

– Да, я уже поняла. Можно не повторять, – буркнула Эрика, сердито глядя на мужа.

– Ну, тогда давай оставим эту тему, – проговорил Патрик и снова занялся разбором покупок.

– Ты успел посмотреть письма?

– Нет, у меня не было на это времени, – ответил он.

– Но ты с ними поработаешь? – настаивала Эрика.

Патрик кивнул, нарезая овощи к ужину.

– Само собой. Но дело пошло бы куда легче, если бы Кристиан выразил готовность к сотрудничеству. Например, я не отказался бы взглянуть на другие письма.

– Тогда поговори с ним сам. Может быть, тебе удастся его уговорить.

– Он догадается, что меня напустила на него ты.

– Я только что вывесила его на всеобщее обозрение в одной из крупнейших газет, так что ты можешь воспользоваться случаем, раз он все равно меня проклинает.

– Ну, может, не все так плохо.

– Будь я на его месте, я бы вообще раздружились навсегда.

– Не надо предаваться пессимизму, – проговорил Патрик и поднял Майю, посадив ее на стол рядом с собой. Она обожала участвовать в приготовлении еды, всегда рвалась помочь. – Пойди к нему завтра и объясни, как все получилось. Скажи, что такой поворот дела в твои намерения никак не входил. Потом я поговорю с ним и постараюсь убедить сотрудничать.

Он протянул Майе кусок огурца, который она тут же принялась обрабатывать своими немногочисленными, но очень острыми зубками.

– Стало быть, завтра, – вздохнула Эрика.

– Завтра, – кивнул Патрик и, наклонившись к жене, поцеловал ее в губы.

* * *

Он понял, что все время невольно бросает взгляды на трибуну. Теперь она казалась почти пустой.

На всех тренировках, в любую погоду, он сидел там. Футбол был их совместным увлечением. Именно благодаря этому сохранялась их дружба, несмотря на все его стремления освободиться от родителей. Они с отцом были друзьями. Конечно, им случалось иногда ссориться, как всем отцам и сыновьям. Но они всегда оставались друзьями.

Людвиг закрыл глаза и увидел перед собой отца. В джинсах и толстовке с капюшоном, с надписью «Фьельбака» на груди, которую он всегда надевал назло маме. Руки в карманах, глаза внимательно следят за мячом. И за Людвигом. Однако он никогда не ругался, как другие отцы, которые могли накричать на своего сына на тренировке или на матче: «Черт подери, возьми себя в руки, Оскар!» или «Проснись, Данне, что ты как сонная муха!». От своего отца он никогда ничего такого не слышал. Только: «Отлично, Людвиг!», «Красивая передача!», «Вы их отделаете!».

Боковым зрением он увидел, что ему делают пас, и механически передал мяч дальше. Игра больше не доставляла ему радости. Но он не сдавался, бегал по полю, боролся, несмотря на зимнюю стужу. Он мог бы сослаться на то, что произошло, и бросить футбол. Не прийти на тренировку, наплевать на команду. Никто бы его не обвинил, все бы поняли. Все, кроме отца. Сдаться – это был вариант не для него.

Поэтому сейчас он был здесь, со своей командой. Но радости не было, и на трибуне было пусто. Папы больше нет, теперь он понял это. Папы больше нет.

Ему не разрешили сидеть в прицепе. И это было лишь одно из многочисленных разочарований во время того, что называлось отпуском. Все получилось совсем не так, как он надеялся. Молчание, прерываемое лишь отдельными жесткими словами, становилось невыносимым в тесном замкнутом пространстве. Оказалось, что отпуск – это время для ссор, вспышек

гнева и резких перепадов настроения у матери. Отец сжимался и становился еще более серым и незаметным.

Он впервые поехал с ними, но догадался, что отец с матерью каждый год отправлялись в местечко со странным названием Фьельбака. Здесь были невысокие холмы, но кемпинг, куда они втиснули свой вагончик среди множества других, располагался на плоской равнине. Нельзя сказать, чтобы ему очень понравился этот поселок, но отец объяснил, что мать родом из этих мест и потому любит приезжать сюда.

И это было странно, потому что никаких родственников он не видел. Во время одной из ссор в тесной кабине он в конце концов понял, что здесь есть кто-то по имени Старуха и что она-то и есть родня. Смешное имя – Старуха. Но не похоже было, чтобы мать ее любила. Потому что голос ее становился еще жестче, когда речь заходила о Старухе, и они так с ней и не встретились. Тогда зачем же они приехали в это место?

Но самым ненавистным во Фьельбаке стало купание. Ему никогда раньше не доводилось купаться в море. Поначалу он вообще не знал, как к этому относиться, но мать стала зазывать его. Говорила, что не хочет иметь сына-труса, чтобы он прекратил придуриваться. Так что он сделал глубокий вдох и шагнул в море, хотя от холода и соленой воды у него перехватило дыхание. Зайдя по пояс, остановился. Было слишком холодно, он не мог вздохнуть. И ему казалось, что кто-то ползает в воде по его ногам. Мать со смехом подошла к нему, взяла его за руку и повела глубже. Он сразу почувствовал себя счастливым. Мать держала его за руку, ее звонкий смех разносился по поверхности воды. Казалось, ноги сами движутся, почти не касаясь дна. Под конец он уже не ощущал под собой твердой земли, но это не страшило – мать крепко держала его, она несла его по воде, она любила его.

Внезапно она отпустила его руку. Он почувствовал, как его ладонь выскользнула из ее ладони, как коснулись ее кончики пальцев, – и вот уже не только его ноги, но и его рука ни на что больше не опирались. Он снова почувствовал холод в груди, и вода стала подниматься. Она накрыла его по плечи, по шею, он поднял подбородок, чтобы вода не попала в рот, но та наступала слишком быстро, и он не успел сжать губы, рот заполнился чем-то холодным и соленым, разом хлынувшим в горло, а вода продолжала подниматься, достигла его щек, потом глаз и накрыла его с головой, все звуки исчезли, и теперь до него доносилось лишь шуршание невидимых ползучих тварей.

Он забил руками, пытаясь противостоять силе, тянувшей его вниз. Но справиться с огромной массой воды было невозможно, и когда он в конце концов почувствовал прикосновение к своей коже, первым его инстинктивным движением было – защищаться. Затем его потянуло вверх, и голова поднялась над водой. Первый вдох показался ему невыносимо болезненным и жестким, но он жадно вдыхал раз за разом. Рука матери крепко сжала его руку, но сейчас это не трогало – лишь бы вода снова не овладела им.

Он поднял глаза на нее, исполненный благодарности за то, что она спасла его, не дала ему погибнуть. Но в ее глазах он увидел лишь презрение. Опять он сделал что-то не так, обманул ее ожидания. Если бы он только знал, в чем он провинился...

Синяки у него на руке не проходили еще несколько дней.

– Тебе непременно нужно было вытащить меня сюда именно сегодня? – проговорил Кеннет с плохо скрываемым раздражением.

Он всегда старался сохранять спокойствие и сосредотачиваться на главном. Но Лисбет так расстроилась, когда он сказал ей, что Эрик позвонил и попросил его прийти на работу, несмотря на воскресенье. Протестовать она не стала, и это было, пожалуй, хуже всего. Жена прекрасно знала, как мало часов им осталось провести вместе. Как важны, как бесценны эти часы. Однако она не стала возражать. Он видел, как Лисбет собрала все силы, чтобы улыбнуться и сказать: «Конечно, поезжай. Я прекрасно проведу время».

Ему было бы легче, если бы она рассердилась и накричала на него. Сказала бы, что пора подумать, что для него важнее. Но это было совершенно не в ее стиле. За их почти двадцатилетнюю совместную жизнь Кеннет не мог вспомнить ни одного случая, чтобы она повысила на него голос. Или на кого-нибудь другого. Все неудачи и горести Лисбет воспринимала с завидной уравновешенностью и даже утешала его, когда он срывался. Когда у него не получалось быть сильным, она поддерживала его.

И теперь Кеннет вынужден был покинуть ее, чтобы пойти на работу. Он тратил несколько часов их драгоценного времени, в душе проклиная себя за то, что сразу прибежал, стоило Эрику щелкнуть пальцами. Он сам этого не понимал. Такой стереотип сложился очень давно и уже стал частью его характера. А страдала от этого всегда его жена.

Эрик даже не ответил. Он сидел, глядя на экран компьютера, полностью погруженный в свои мысли.

– Мне совершенно необходимо было приходить сюда в воскресенье? – повторил Кеннет. – Работа никак не могла подождать до понедельника?

Эрик медленно повернулся к Кеннету.

– Я хорошо понимаю твою семейную ситуацию, – проговорил он. – Но если мы не подготовим все коммерческие предложения к тендеру на следующей неделе, то можно смело закрывать контору. Всем нам приходится чем-то жертвовать.

Кеннет мысленно задался вопросом, чем собирался пожертвовать сам Эрик. Ситуация была совсем не такой острой, как он намекал. Всю документацию можно было подготовить в понедельник – босс явно преувеличивал, говоря, что жизнеспособность предприятия поставлена на карту. Вероятнее всего, Эрику просто нужен был повод, чтобы улизнуть из дома, но вот зачем ему понадобилось вытаскивать их дому Кеннета? Ответ лежал на поверхности: потому что это можно было сделать без особых усилий.

Оба принялись за работу и некоторое время, стиснув зубы, занимались каждый своим делом. Офис представлял собой одно большое помещение, так что здесь не было никакой возможности закрыться и побыть в одиночестве. Кеннет исподтишка поглядывал на Эрика. С тем происходило нечто странное. Трудно было сказать, что именно, но во всей его фигуре появилась какая-то неуверенность. Он казался усталым, волосы чуть растрепались, рубашка не была безукоризненной, как обычно. Что-то он сегодня сам на себя не похож. Кеннет собирался даже выяснить, не случилось ли у него чего-нибудь дома, но потом решил воздержаться от подобных расспросов. Вместо этого он поинтересовался как можно более равнодушным тоном:

– Ты слышал вчера новость про Кристиана?

Эрик вздрогнул.

– Да.

– Вот ведь ужас! Какой-то сумасшедший присылает ему угрозы, – проговорил Кеннет небрежным тоном, хотя сердце учащенно билось в груди.

– Хм, – выдавил из себя Эрик, не сводя глаз с экрана компьютера; однако руки его не прикасались ни к клавиатуре, ни к мыши.

– Кристиан что-нибудь тебе об этом рассказывал? – продолжал Кеннет. Это было все равно что пытаться не расковыривать затянувшуюся коркой рану. Ему не хотелось говорить об этом, да и Эрик явно не был расположен к разговору, но Кеннет ничего не мог с собой поделать. – Он тебе что-нибудь говорил?

– Нет, мне он ничего не говорил ни про какие угрозы, – ответил Эрик и стал рыться среди документов на столе. – Но ведь в последнее время он был так занят своей книгой, что мы редко встречались или перезванивались. К тому же такое обычно держат при себе.

– Может, ему стоило бы обратиться в полицию?

– Откуда ты знаешь, что он туда не обращался?

Эрик продолжал бесцельно рыться в кипах бумаг.

– Да, правда... – Кеннет на некоторое время умолк. – Но что может сделать полиция, если письма анонимны? Я хочу сказать – это может быть любой маньяк...

– А я откуда знаю? – буркнул Эрик и выругался, порезавшись о край бумажного листа. – Черт подери! – воскликнул он и пососал пострадавший палец.

– Ты думаешь, все это серьезно?

Эрик вздохнул.

– Зачем гадать? Я же сказал – понятия не имею.

Под конец фразы его голос повысился и внезапно надломился. Кеннет с удивлением посмотрел на Эрика. Тот был явно не в себе. Интересно, это имеет отношение к делам фирмы?

Кеннет никогда по-настоящему не доверял Эрику – а вдруг он что-нибудь натворил? Однако Кеннет тут же отогнал от себя эту мысль. Вся бухгалтерия у него под контролем; он бы сразу заметил, если бы Эрик выкинул какой-нибудь номер. Скорее это связано с Луизой. Просто загадка, что они так долго продолжают жить вместе, когда все, кроме них самих, понимают, что они оказали бы друг другу большую услугу, если бы разбежались. Впрочем, это не его дело. Ему своих забот вполне хватает.

– Да так, просто интересно, – пробормотал Кеннет.

Он открыл в программе Excel файл с финансовым отчетом за последний месяц. Мысли его витали где-то далеко.

* * *

Платье по-прежнему хранило ее запах. Кристиан поднес его к носу и вдохнул микроскопические остатки духов, притаившиеся в ткани. Закрыв глаза и ощущая ноздрями этот запах, он буквально видел ее перед собой. Темные волосы, доходившие до талии, которые она то заплетала в косу, то стягивала в узел на затылке. У другой женщины это выглядело бы старомодно – но только не у нее.

Она двигалась как танцовщица, хотя и оставила танцевальную карьеру. У нее не хватило силы воли, как она объяснила ему. Талант у нее был, но не хватило решимости поставить искусство во главу угла, отдаться ему целиком – пожертвовать любовью, радостью жизни, друзьями. Она слишком любила жизнь.

Поэтому она бросила танцевать. Но танец по-прежнему жил в ней, когда они встретились, и до самого конца. Он часами мог любоваться ею. Смотреть, как она ходит по дому, занимаясь мелкими домашними делами, напевая что-то себе под нос, а ее ноги двигались при этом так грациозно, словно она не касалась ими пола.

Он снова поднес платье к лицу. Почувствовал, как прохладная ткань коснулась кожи, слегка зацепившись за щетину на его подбородке, охладила его пылающие щеки. В последний раз она надевала платье на праздник летнего солнцестояния. Голубая ткань подчеркивала голубизну ее глаз, а темная коса, свисавшая по спине, блестела на солнце, как золотые нитки в ткани.

Вечер выдался потрясающий. Погода была солнечная, и они сидели во дворе. Селедка и свежая картошка. Еду они приготовили вместе. Ребенок лежал в тенечке, коляска была прикрыта защитной сеткой, чтобы никакие насекомые не потревожили его сон. Ребенок находился в безопасности.

Имя ребенка всплыло в сознании, и Кристиан вздрогнул, словно наткнулся на острое. Вместо этого заставил себя вспомнить запотевшие бокалы с вином, друзей, которые подняли тост за лето, за них, за их любовь. Он вспомнил клубнику, которую она вынесла на большом блюде. Вспомнил, как она перед тем сидела и чистила клубнику за кухонным столом и как он подтрунивал над ней, поскольку ягоды то и дело оказывались у нее во рту, а не на блюде, которое предполагалось выставить на стол для гостей, вместе со взбитыми сливками и с саха-

ром, по рецепту ее бабушки. В ответ на его шутки она рассмеялась, притянула его к себе и поцеловала губами, напоенными соком спелых ягод.

Сидя с платьем в руках, он невольно всхлипнул и не смог сдержаться. На ткани образовались темные пятна от его слез, и он принялся оттирать их рукавом джемпера. Так не хотелось испортить то немногое, что ему осталось.

Кристиан бережно положил платье обратно в чемодан. Вот и все, что осталось от них. Единственное, что он смог сохранить. Закрыв крышку, он осторожно задвинул чемодан в самый дальний угол. Санна не должна его найти. От одной мысли, что она откроет чемодан, увидит платье, возьмет его в руки, все у него внутри сжималось. Он знал, что совершил ошибку, но он выбрал Санну по одной-единственной причине: Санна не была похожа на нее. Ее губы не пахли клубникой, она не двигалась как танцовщица.

Но это не помогло. Прошлое преследовало его так же неумолимо, как настигло ту, что носила это голубое платье. И теперь он не видел выхода.

* * *

– Вы могли бы присмотреть за Лео? – спросила Паула, глядя на мать, но на самом деле с большой надеждой косясь на Мелльберга. Вскоре после рождения сына они с Юханной обнаружили, что обрели в лице нового мужа матери идеальную няньку. Мелльберг был просто не в состоянии сказать «нет».

– Нет, мы... – начала было Рита, но муж перебил ее и проговорил с готовностью:

– Никаких проблем, мы со старушкой присмотрим за малышом. Так что спокойно идите.

Рита покорно вздохнула, но все же не могла не бросить нежный взгляд на тот необработанный бриллиант, с которым решила связать свою жизнь. Она знала, что многие считают его грубым, неотесанным мужиком. Но она с самого начала разглядела в нем другие ценные качества, которые умная женщина может проявить и развить.

И она оказалась права. С ней он обращался как с королевой. Достаточно было увидеть, какими глазами он смотрит на ее внука, чтобы понять, что за душевные сокровища в нем таятся. Он беззаветно обожал мальчугана. Единственная проблема заключалась в том, что сама она оказалась на втором месте, но с этим она готова была смириться. Кроме того, он все лучше выглядел на танцплощадке. Ясное дело, он никогда не станет королем сальсы, но теперь она могла смело надевать туфельки на шпильке.

– Если ты справишься с ним один, то, может быть, мама могла бы поехать с нами? Мы с Юханной собирались поехать в «Торп» и купить кое-что в комнату Лео.

– Давайте его мне! – откликнулся Бертиль и протянул руки к малышу, которого держала на руках Паула. – Ясное дело, мы прекрасно справимся часик-другой. Пара бутылочек смеси, если парень проголодается, и настоящее мужское общение с дедушкой Бертилем – что может быть лучше?

Паула передала ему сына, и Бертиль принял его в свои объятия. Трудно было представить себе более странную пару. Однако между ними имелась совершенно особая связь, этого она не могла отрицать. Хотя в ее глазах Бертиль Мелльберг по-прежнему оставался самым бесполезным начальником на свете, одновременно он зарекомендовал себя как лучший в мире дедушка.

– Ты уверен, что справишься? – переспросила Рита с тревожной ноткой в голосе. Хотя он и помогал ей ухаживать за Лео, его опыт общения с младенцами был, мягко говоря, невелик. Его собственный сын Симон появился в его жизни уже подростком.

– Ясное дело, – обиженно ответил Бертиль. – Есть, какать, спать. Неужели это так трудно? Я сам все это проделываю вот уже почти шестьдесят лет.

Он буквально вытолкнул их вон и закрыл дверь. Теперь его общению с малышом никто не будет мешать.

Два часа спустя он весь взмок от пота. Лео вопил во все горло, а в гостиной повис запах какашек. Дедушка Бертиль тщетно пытался убаюкать малыша, но мальчик разошелся не на шутку. Волосы Мелльберга, обычно аккуратно уложенные на макушке, теперь свисали кло-чьями над правым ухом, и он чувствовал, как пятна пота размером с тарелку темнеют в под-мышках.

Его охватило чувство паники, и он покосился на мобильный телефон, лежавший на жур-нальном столике. Позвонить девочкам? Они наверняка еще в «Торпе», и им понадобится минут сорок пять, чтобы добраться до дома, даже если они немедленно сядут в машину. И если он начнет вызывать о помощи, его, возможно, больше не захотят оставлять с малышом. Нет уж, придется справляться с ситуацией самому. В свое время он имел дело с самыми темными личностями, случались в его жизни и перестрелки, и сумасшедшие наркоманы с ножом в руке. И в этой ситуации он не должен оплошать. Ребенок все же не больше батона, хотя голос у него помощнее, чем у взрослого.

– Ну-ну, малыш, сейчас мы с тобой попробуем разобраться в ситуации, – сказал Мелль-берг и уложил сердито орущего малыша на диван. – Во-первых, ты изрядно обделался. Во-вторых, проголодался. Так что у нас, так сказать, кризис с обоих концов. Вопрос в том, с какого из них начать.

Мелльберг говорил громко, чтобы перекрыть вопли младенца.

– Ну, знаешь ли, еда важнее всего – во всяком случае, для меня. Так что давай пойдем соорудим тебе бутылочку смеси.

Бертиль снова взял Лео на руки и понес на кухню. Ему были даны четкие инструкции по приготовлению смеси, а при помощи микроволновки дело это заняло не больше двух минут. Он тщательно проверил температуру смеси, сам пососав из бутылочки.

– Тьфу, ну и гадость. Но, понимаешь ли, тебе придется подождать с настоящими муж-скими напитками, пока ты не подрастешь.

При виде бутылочки Лео раскричался еще больше, и Бертиль уселся за кухонный стол, положив малыша на левую руку. Едва он поднес соску к его роту, как Лео жадно вцепился в бутылочку. В мгновение все ее содержимое было выпито, и Мелльберг почувствовал, как маленькое тельце расслабилось. Но вскоре малыш снова начал ерзать, а запах стал настолько одуряющим, что Мелльберг сам уже не в состоянии был его выносить. Проблема заключалась лишь в том, что пока ему удавалось всячески уклоняться от смены подгузников.

– Ну вот, с одним делом мы разобрались. Теперь осталось навести порядок в другом, – проговорил он уверенным тоном, что никак не соответствовало его истинным чувствам перед предстоящей миссией.

Мелльберг отнес орущего Лео в ванную. Он самолично помогал девочкам приладить к стене пеленальный столик, на котором имелось все для успешного проведения операции «лик-видация каканого подгузника».

Он положил мальчика на столик и снял с него штанишки, стараясь дышать через рот – но даже это не помогало. Мелльберг расстегнул липучки на боках подгузника и чуть не рухнул в обморок, когда перед ним раскрылась вся неопишуемая красота.

– О, боже мой!

Оглядевшись в полном отчаянии, он заметил упаковку влажных салфеток. Потянулся за ними, но едва выпустил ноги малыша, как Лео принялся сучить ножками по содержимому подгузника.

– Нет, нет, не делай этого! – вскричал Мелльберг и, схватив целую стопку салфеток, при-нялся оттирать его. Однако он лишь размазал зеленоватую жижу еще больше, пока не дога-дался, что необходимо устранить корень проблемы. Приподняв Лео, он вытащил из-под него подгузник и с отвращением положил в помойное ведро, стоявшее на полу.

Истратив еще полпачки влажных салфеток, он увидел, что дело идет на поправку. Большая часть фекалий была оттерта, и Лео успокоился. Мелльберг аккуратно вытер последние следы и взял с полки над пеленальником новый подгузник.

– Вот видишь, мы с тобой на правильном пути, – произнес он с удовлетворением, и Лео задрыгал ножками, с удовольствием пользуясь случаем проветрить попку.

– Так, какой же стороной это все надевается? – задумался Мелльберг.

Повертев в руках подгузник, он решил, что картинки животных наверняка должны быть сзади, как этикетка на одежде. Правда, фасон у подгузника был какой-то странный, и липучки расположены неудобно. Подумать только, как трудно, оказывается, изготовить приличный подгузник! Повезло, что он человек действия, привыкший рассматривать каждую проблему как экзамен на сноровку.

Мелльберг взял Лео на руки, пошел с ним в кухню и стал рыться в нижнем ящике, держа малыша на плече. Наконец он обнаружил то, что искал, – рулон скотча. Вернувшись в гостиную, уложил Лео на диван, дважды обернул вокруг пояса скотчем и с удовлетворением оглядел дело рук своих.

– Вот так, да. Девочки волновались, что я с тобой не справлюсь. Что скажешь? Разве мы не заслужили с тобой небольшой отдых?

Подняв хорошо уплотненного скотчем младенца, Бертиль удобно устроился на диване с ним на руках. Лео немного поворочался и уткнулся носом в шею комиссара.

Когда полчаса спустя женщины вернулись домой, мужчины спали глубоким сном.

* * *

– Кристиан дома? – спросила Эрика, когда Санна открыла дверь, хотя более всего ей хотелось развернуться и сбежать. Однако Патрик был совершенно прав. У нее нет выбора.

– Да, он на чердаке. Сейчас позову его. – Санна повернулась к лестнице, ведущей на второй этаж, и крикнула: – Кристиан, к тебе пришли! – Затем она снова обернулась к Эрике: – Проходи, он сейчас спустится.

– Спасибо.

Эрика с потерянным видом стояла вместе с Санной в прихожей, но тут на лестнице послышались шаги. Увидев Кристиана, она отметила, какой у него усталый и замученный вид, и угрызения совести охватили ее с новой силой.

– Привет, – сказал он, подошел и обнял ее в качестве приветствия.

– Мне нужно поговорить с тобой об одном деле, – проговорила Эрика и снова ощутила желание развернуться и бежать куда глаза глядят.

– Да? Ну, тогда проходи.

Кристиан кивнул в сторону гостиной, и Эрика стала стаскивать с себя уличную одежду.

– Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, – ответила она и энергично помотала головой. Ей хотелось, чтобы все это поскорее осталось позади.

– Как прошла раздача автографов? – спросила Эрика и уселась в уголок дивана, глубоко погружившись в него.

– Нормально, – ответил Кристиан тоном, не располагавшим к дальнейшим расспросам. – Ты видела вчерашние газеты?

В бледном зимнем свете, проникавшем в окна, его лицо казалось совсем серым.

– Именно об этом я и хотела с тобой поговорить.

Эрика собралась с духом, чтобы продолжить. Один из близнецов лягнул ее под ребра, и у нее перехватило дыхание.

– Брыкаются?

– Да уж.

Она сделала глубокий вдох и продолжала:

– Все это попало в прессу по моей вине.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Кристиан, резко выпрямившись.

– Нет-нет, это не я им сообщила, – поспешила она добавить. – Но я по глупости рассказала об этом тому, кому не надо было рассказывать.

У нее не хватало духу посмотреть в глаза Кристиану, поэтому она разглядывала свои руки.

– Габи? – устало переспросил Кристиан. – Но как же ты не поняла, что она...

– Патрик сказал то же самое, – прервала его Эрика. – И вы совершенно правы. Я должна была сообразить, что ей нельзя доверять, что она увидит лишь повод привлечь внимание прессы. Я чувствую себя полной дурой. Как я могла быть такой наивной!

– Да уж, но теперь уже ничего не исправишь, – проговорил Кристиан.

Его покорность судьбе еще больше усугубила терзания Эрики. Лучше бы он накричал на нее, чем видеть его усталое, разочарованное лицо.

– Прости, Кристиан. Мне очень жаль, что так получилось.

– Будем надеяться, что она права.

– Кто?

– Габи. Что после этого книга будет лучше продаваться.

– Не понимаю, как можно обладать таким цинизмом. Выставить тебя на всеобщее обозрение таким образом только для того, чтобы повысить продажи...

– Она бы никогда не добилась того, чего добилась, если бы была белой и пушистой.

– И все равно – неужели можно пойти на все ради денег?

Эрика тяжело переживала свою ошибку, совершенную по недомыслию и наивности, и никак не могла понять, что такое можно совершить сознательно и ради прибыли.

– Да ладно, забудется, – проговорил Кристиан, но голос его звучал совсем не так уверенно.

– Тебе сегодня, наверное, журналисты телефон оборвали? – спросила Эрика, ерзая на диване в поисках удобной позы. Как бы она ни сидела, ей все время казалось, что какой-то внутренний орган оказывался придавлен.

– Вчера я отключил телефон после первого же звонка. Я не намерен подливать масла в огонь.

– А как у тебя с... – Эрика заколебалась. – Тебе больше не приходили новые письма? Я понимаю, что ты мне больше не доверяешь, но поверь, я сделала выводы из этого случая.

Лицо Кристиана стало замкнутым. Он посмотрел в окно, не спеша с ответом. Когда ответ все же последовал, голос его звучал устало и вяло.

– Я не желаю больше в этом копаться. Это раздувается до каких-то ненормальных размеров.

Сверху донесся резкий звук, а затем громкий детский крик. Кристиан не пошевелился, но Эрика услышала за спиной быстрые шаги Санны, которая кинулась вверх по лестнице.

– Они ладят между собой? – спросила Эрика, кивнув головой в сторону второго этажа.

– Не особенно. Старший брат не выносит конкуренции, если сказать в двух словах, – ответил Кристиан и улыбнулся.

– Думаю, мы все грешим тем, что слишком носимся с первым ребенком, – проговорила Эрика.

– К сожалению, да, – кивнул Кристиан. Улыбка исчезла с его лица, и на нем возникло странное выражение, которое Эрика не могла истолковать. На верхнем этаже слышались теперь крики обоих мальчишек, и к ним добавился рассерженный голос Санны.

– Ты должен обратиться в полицию, – сказала Эрика. – Как ты догадываешься, я перего-
ворила об этом с Патриком – и тут я убеждена в своей правоте. Он считает, что ты должен отне-
стись к этому серьезно, и первый шаг – подать заявление в полицию. Для начала ты можешь
просто встретиться с ним в неформальной обстановке, если хочешь.

Она понимала, что голос ее звучит почти умоляюще, но письма так задели ее за живое,
и она не сомневалась, что Кристиану тоже сильно не по себе.

– Я не хочу больше об этом говорить, – сказал он и поднялся. – Я понимаю, что ты не
предполагала того, что получилось, когда разговаривала с Габи. Но тебе придется смириться
с тем, что я не собираюсь раздувать это дело.

Крики на втором этаже стали еще пронзительнее, и Кристиан направился к лестнице.

– Извини, но я должен прийти на выручку Санне, пока мальчишки не поубивали друг
друга. Можно, я не буду тебя провожать?

Кристиан поспешил вверх, даже не попрощавшись, и у Эрики осталось чувство, что он
спасся бегством.

Когда же они наконец отправятся домой? Вагончик с каждым днем казался все меньше,
а все уголки кемпинга он давно уже обследовал. Может быть, дома они снова начнут интере-
соваться им. Здесь же они вели себя так, словно его не было.

Отец решал кроссворды, а мать болела. Во всяком случае, именно такое объяснение ему
было дано, когда он попытался войти к ней в крошечный закуток, где она целыми днями лежала
на кушетке. Больше она не ходила с ним купаться. Хотя он помнил свой ужас и ощущение, что
кто-то извивается у его ног, он все равно предпочел бы купание этой бесконечной ссылке.

– Мать больна. Иди играй.

И он уходил, сам заполняя свои дни. Поначалу другие дети, живущие в кемпинге, при-
глашали его в свои игры, но его это не интересовало. Если он не может быть с матерью, то
никто другой ему не нужен.

Поскольку она не поправлялась, он все больше начинал беспокоиться. Иногда он слышал,
как ее рвет. И вид у нее был бледный. А что, если это опасно для жизни? А вдруг она тоже
умрет, как и его мама?

От одной этой мысли ему хотелось забиться в самый дальний угол и крепко зажмуриться,
чтобы чернота не смогла вцепиться в него. Он не позволял себе думать об этом. Его прекрасная
мать не может умереть. Только не это.

Отец тоже хотел уехать домой. Но мать не хотела. «Старуха будет недовольна», – прого-
ворила она, лежа на кушетке, совсем бледная и исхудавшая. Старуха должна знать, что они,
как всегда, провели здесь все лето, неподалеку, но не навещая ее. Нет, домой они не поедут.
Лучше уж она умрет прямо здесь.

И больше это не обсуждалось. Все всегда делалось так, как решала мать. Ему оставалось
лишь уходить каждый день на свое тайное место, часами сидеть там, обняв руками колени, и
предаваться мыслям и фантазиям.

Лишь бы поскорее вернуться домой. Там все снова станет как прежде. Обязательно.

– Не убегай далеко, Рокки! – крикнул Йёте Перссон, но пес, как обычно, не слушался
хозяина. Только хвост промелькнул в воздухе, когда золотистый ретривер свернул налево и
исчез за каменной глыбой.

Йёте прибавил шагу, но правая нога не позволяла ему идти быстро. После инсульта она
не желала слушаться, но он все равно считал, что ему очень повезло. После того, как всю пра-
вую половину тела парализовало, врачи не особенно обнадеживали его, считая, что он с тру-
дом сможет передвигаться. Однако они просто не подозревали, насколько он упрям. Благодаря
упорству и тренеру, который гонял его так, словно готовил к олимпийскому рекорду, он с каж-

дой неделей восстанавливался. Иногда случались неудачи и возврат к прежнему, и несколько раз он был близок к тому, чтобы сдаться, но все же продолжал борьбу и делал новые успехи, которые вели его к поставленной цели.

Теперь он каждый день по часу гулял с Рокки. Шел не быстро, заметно прихрамывая, однако продвигался вперед. В любую погоду отправлялись они на свою прогулку, и каждый метр воспринимался как победа.

Пес снова показался в поле зрения. Он что-то обнюхивал на берегу возле Сельвикского пляжа и лишь иногда поднимал глаза, чтобы убедиться, что хозяин не потерялся. Йёте воспользовался случаем, чтобы остановиться и перевести дух. В сотый раз ощупал карман, дабы убедиться, что телефон под рукой. Да, телефон на месте. На всякий случай он достал его и проверил, что по ошибке не выключил сигнал и не пропустил важных звонков. По-прежнему никто не звонил, и он нетерпеливо спрятал телефон обратно в карман.

Он понимал, что глупо каждые пять минут проверять телефон. Но они обещали позвонить, когда поедут в роддом. Первый внук. Его дочь Инна уже переходила две недели, и Йёте не понимал, как дочь и зять могут так спокойно об этом говорить. Пожалуй, он мог отметить лишь нотки раздражения в их голосах, когда звонил в десятый раз за день, чтобы спросить, не началось ли уже. Похоже, он волнуется больше, чем они сами. В последние дни он почти не спал по ночам, лежал без сна, поглядывая то на светящиеся цифры электронного будильника, то на мобильник. Эти дела часто происходят ночью. А вдруг он будет спать слишком крепко и не услышит их звонка?

Он зевнул. Ночные бдения отнимали много сил. Так много чувств нахлынуло на него, когда Инна и Еспер сообщили, что ждут ребенка! Они рассказали ему об этом через несколько дней после того, как с ним случился инсульт и его срочно увезли в больницу в Уддевалле. На самом деле они собирались выждать, ибо срок еще был очень маленький, и они сами еще не свыклись с этой новостью. Но тогда никто не верил, что Йёте выживет. Они даже не знали точно, слышит ли он их – распростертый на кровати, подключенный к приборам и трубкам.

Но он слышал, он все прекрасно слышал, и это известие придало ему сил, чтобы бороться. Ему есть ради чего жить. Он станет дедушкой. Его единственная дочь, свет в его жизни, родит малыша. Как он может такое пропустить? Он знал, что Бритт-Мари ждет его, и на самом деле ничего не имел против того, чтобы оставить этот мир и поспешить на встречу с ней. Он тосковал по ней каждый день, каждую минуту с тех пор, как они с дочерью остались одни. Но теперь все изменилось, и он сказал Бритт-Мари, что пока не может прийти к ней – он нужен их девочке здесь.

Как он и ожидал, Бритт-Мари все поняла. И он очнулся от грез, которые были так не похожи на обычный сон и так манили его. Он встал с постели, и каждый шаг, который он делал с тех пор, совершался ради будущего малыша. Так много он мог ему дать и собирался использовать каждую минуту оставшегося ему времени, чтобы баловать внука или внучку. И пусть Инна и Еспер протестуют сколько хотят – это его законная привилегия.

Внезапно в кармане резко зазвонил телефон, и Йёте подпрыгнул от неожиданности. Он с таким нетерпением стал вытаскивать телефон из кармана, что чуть не уронил его. Взглянул на дисплей, и плечи его опустились от разочарования, когда он увидел имя старого друга. Ответить он не решился. Если дети будут звонить, у него не должно быть занято.

Собаки больше не было видно, так что он убрал телефон обратно в карман и направился в ту сторону, где в последний раз видел Рокки. Увидев боковым зрением что-то светлое, повернулся к воде.

– Рокки! – в ужасе вскричал он.

Пес вышел на лед. Он стоял метрах в двадцати от берега, склонив голову; услышав голос хозяина, громко залаял и стал скрести лед лапами. Йёте почувствовал, как у него перехватило дыхание. Будь дело настоящей зимой, он бы ничуть не обеспокоился. В былые времена они с

Бритт-Мари не раз брали с собой бутерброды, термос с кофе и отправлялись по льду на один из ближайших островов. Но сейчас периоды оттепели сменялись заморозками, и он понимал, что находиться на льду опасно.

– Рокки! – крикнул он. – Ко мне!

Он постарался произнести эти слова как можно строже, но пес проигнорировал команду.

В голове у Йёте вертелась одна мысль – он не может потерять Рокки. Пес не выживет, если лед треснет и он упадет в холодную воду, а Йёте не перенесет потери старого друга. Они прожили бок о бок десять лет, и он так часто представлял себе, как будущий внук будет возиться с Рокки, что без него эта картина уже не складывалась.

Йёте подошел к кромке воды, поставил ногу на лед и проверил его на прочность. Лед треснул под ногой – тысячи нитей протянулись во все стороны, – однако, по крайней мере, не проломился. Вероятно, он все же выдержит его вес. Йёте шагнул вперед. Рокки по-прежнему остервенело лаял и скреб лапами.

– Ко мне! – снова позвал его хозяин, но пес не двигался с места.

Лед под ногами казался прочнее, чем у самого берега, но Йёте решил лечь, чтобы уменьшить риск своего положения. С немалым трудом опустился он на живот, стараясь не обращать внимания на холод, который сразу же стал проникать под одежду, несмотря на теплую куртку и свитер.

Передвигаться, лежа на животе, было исключительно трудно. Ноги проскальзывали, когда Йёте пытался упереться ими, и он ругал себя за то, что не надел на подошвы ботинок шипы, которыми каждый уважающий себя пенсионер обзаводится в гололед.

Оглядевшись, он увидел две палочки, которые могли помочь в его ситуации. Йёте стал упираться ими в лед, и дело пошло быстрее. Сантиметр за сантиметром приближался он к собаке. Время от времени пытался позвать пса, но находка оказалась такой интересной, что Рокки не сводил с нее глаз.

Находясь уже почти у цели, Йёте услышал, как лед затрещал под его тяжестью, и невольно подумал об иронии судьбы – неужели он потратил многие месяцы на реабилитацию только для того, чтобы провалиться под лед возле Сельвика и бездарно утонуть? Однако пока лед держал его, и теперь он оказался так близко, что мог дотянуться до шерсти Рокки.

– Тебе здесь нельзя находиться, старина, – сказал он как можно более спокойно и подполз еще чуть ближе, чтобы ухватить собаку за ошейник. Как ему затем удастся выбраться обратно на твердую почву, волоча за собой упирающуюся собаку, – об этом он пока еще не думал. Но каким-то образом это предстояло осуществить.

– И что там такого интересного?

Он ухватился рукой за ошейник. Потом перевел взгляд и посмотрел вниз.

И тут у него в кармане настойчиво зазвонил телефон.

* * *

Как всегда, в понедельник утром все валилось из рук. Патрик сидел за своим рабочим столом, положив на него ноги. Он вперился взглядом в фотографию Магнуса Кельнера, словно пытаясь заставить того рассказать, где он находится. Вернее, не он сам, а скорее его останки.

Кроме того, его взволновала вся эта история с Кристианом. Патрик выдвинул ящик письменного стола и вытащил маленький полиэтиленовый пакетик с карточкой и письмом. Более всего ему хотелось бы отправить их на анализ, снять отпечатки пальцев. Однако у него не имелось для этого достаточных оснований – ведь ничего особенного не произошло. Даже Эрика, которая, в отличие от него, прочла все письма, не могла сказать, содержалось ли в них намерение навредить Кристиану. Но интуиция подсказывала ей нечто иное, и Патрика не покидало то же чувство. Оба они ощущали в этих скупых строках чью-то злую волю. Он невольно улыб-

нулся при этой мысли. Какое нелепое сочетание – «злая воля»! Описание не отличается научной точностью. Но в письмах содержалось желание нанести ущерб, сделать больно. Более точно он не смог бы объяснить. И это чувство его всерьез тревожило.

Они обсуждали это с Эрикой, когда она вернулась от Кристиана. В тот момент Патрик был готов сам отправиться туда и поговорить с ним, но жена отговорила. Эрике показалось, что Кристиан совершенно не настроен на разговор, и она предложила подождать, пока газетная шумиха более-менее уляжется. Он согласился с ее аргументами. Теперь же, разглядывая причудливый почерк этих анонимных писем, он начал сомневаться, что поступил правильно.

Патрик буквально подскочил на месте, когда зазвонил телефон.

– Патрик Хедстрём! – произнес он в трубку, отложил пакет в ящик и закрыл его. В следующую минуту он застыл на месте. – Что? Простите, что вы сказали?

Напряженно выслушав сообщение, он положил трубку и взялся за дело. Сделав несколько коротких звонков, выскочил в коридор и постучал в дверь Мелльберга. Не дожидаясь ответа, вошел в кабинет начальника, разбудив и собаку, и хозяина.

– Какого черта? – проворчал Мелльберг, нехотя меняя положение тела в своем глубоком кресле. – Ты что, не знаешь, что нельзя входить без стука? – сердито добавил комиссар, поправляя волосы. – Ну? Не видишь – я занят. Чего ты хотел?

– Похоже, мы нашли Магнуса Кельнера.

Мелльберг выпрямился.

– Ах так! Ну и где же он? На островах в Карибском море?

– Не совсем. Он лежит подо льдом. Возле Сельвика.

– Подо льдом? – Эрнст почувствовал напряжение в воздухе и наострил уши.

– Позвонил старичок, который выгуливал свою собаку. Само собой, мы пока не можем быть уверены, что это именно Магнус Кельнер, но вероятность велика.

– Тогда какого же черта мы теряем время? – вскочив, воскликнул Мелльберг и, схватив куртку, протиснулся мимо Патрика. – Проклятье, до чего вы все тут медлительные! Сколько надо времени, чтобы выдавить из себя такую новость! По машинам! Ты поведешь!

Мелльберг поспешил в сторону гаража, а Патрик заскочил в свой кабинет за курткой – и невольно вздохнул. Он предпочел бы обойтись сейчас без начальника, однако понимал, что Мелльберг не упустит случая оказаться в гуще событий. Он любил быть в центре внимания – лишь бы не работать.

– Давай, стартуй! – буркнул Мелльберг, уже сидевший на пассажирском сиденье. Патрик сел за руль и повернул ключ в зажигании.

* * *

– Вы впервые выступаете на телевидении? – проворковала гримерша.

Кристиан встретился с ней глазами в зеркале и кивнул. Во рту у него пересохло, руки вспотели. Две недели назад он дал согласие на участие в программе «Доброе утро» на четвертом канале, о чем теперь горько сожалел. Сидя вчера вечером в поезде, он всю дорогу до Стокгольма боролся с желанием выйти и повернуть назад.

Габи была вне себя от счастья, когда позвонили с Четвертого телеканала. Они услышали о новой звезде на литературном небосклоне и хотели быть первыми, кто возьмет у него интервью для телевидения. Габи объяснила, что лучшего маркетинга и желать нельзя – даже после нескольких минут участия в программе он продаст огромное количество книг.

И он дал себя уговорить. Взял выходной в библиотеке, а Габи купила ему билет на поезд и забронировала гостиницу в Стокгольме. Поначалу он пребывал в радостном возбуждении по поводу того, что ему предстоит выступить на телевидении и рассказывать о своей книге. О «Русалке». Его будут показывать по национальному телевидению как писателя, представляю-

щего свой первый роман. Но газетные заголовки последних дней все испортили. Как он мог так ошибиться? Столько лет прожил тихой и незаметной жизнью – и сам поверил, что может безнаказанно снова выйти в свет. И даже после того, как начали приходить письма, он продолжал пребывать в иллюзии, что все осталось позади, верить в свою неуязвимость.

Газетные заголовки вырвали его из этого заблуждения. Кто-то увидит, кто-то вспомнит... Все вернется на круги своя. Кристиана охватила дрожь, и гримерша с удивлением посмотрела на него.

– Я смотрю, вы дрожите, хотя у нас здесь так тепло. Наверное, простудились?

Он кивнул и улыбнулся. Так проще. Лучше избежать объяснений.

Слой макияжа казался толстым и неестественным. Даже на руки и на уши ему наложили слой тонального крема – видимо, обычная кожа казалась на экране бледной и зеленоватой. В каком-то смысле это было даже хорошо. Как будто на него надели маску, за которой можно спрятаться.

– Ну вот, теперь все готово. Сейчас придет помощник режиссера и заберет вас.

Гримерша с удовлетворением оглядела дело рук своих. Кристиан уставился на свое изображение в зеркале. Маска тоже уставилась на него.

Через несколько минут его отвели в помещение у входа в студию, где был накрыт стол. На столе громоздилось обилие всяких деликатесов, но Кристиан ограничился лишь стаканом апельсинового сока. В крови гулял адреналин, рука чуть заметно дрожала, когда он подносил ко рту стакан.

– Пройдите, пожалуйста, со мной! – услышал он голос помощника режиссера и последовал за ней, оставив на столе недопитый стакан с соком. На подгибающихся ногах он вошел вслед за ней в студию, которая располагалась этажом ниже.

– Садитесь вот сюда, – шепотом проговорила помощник режиссера, указав его место. Кристиан вздрогнул, когда, едва усевшись, почувствовал на своем плече чью-то руку.

– Извините, я только прикреплю вам микрофон, – прошептал мужчина с наушниками на голове – и Кристиан молча кивнул. Во рту пересохло еще больше, и он залпом осушил стакан воды, стоявший перед ним на столе.

– Привет, Кристиан! Как приятно познакомиться с тобой лично. Я прочла твою книгу – должна сказать, что она великолепна!

Кристин Касперсен протянула ему руку, которую Кристиан с некоторым сомнением пожал. Учítывая, как у него вспотели руки, ощущение у собеседника должно быть такое, словно он пожал мокрую губку. Зашел и уселся на свое место второй ведущий программы. Он представился как Андерс Крафт.

На столе лежала книга, а за ними метеоролог рассказывал о погоде. Разговаривать можно было только шепотом.

– Ты ведь не волнуешься? – с улыбкой спросила Кристин. – Волноваться не стоит, сосредоточь свое внимание на нас, и все пройдет отлично.

Кристиан снова молча кивнул. Ему подлили воды в стакан, и он снова залпом осушил его.

– Ну вот, наш выход через двадцать секунд, – сказал Андерс Крафт, подмигивая ему.

Кристиан почувствовал, что немного проникся той уверенности, которую излучали двое ведущих, и постарался сделать все возможное, чтобы забыть о камерах вокруг, которые вот-вот начнут передавать его в прямом эфире на всю Швецию.

Кристин начала говорить, глядя в какую-то точку у него за спиной, и он понял, что прямой эфир начался. Сердце отчаянно забилося, в ушах зазвенело, и он лишь усилием воли смог заставить себя вслушиваться в слова Кристин. После краткого вступления последовал первый вопрос:

– Кристиан, критики очень хвалят твой дебютный роман «Русалка». И читатели уже проявили огромный интерес к тебе – ранее совершенно неизвестному автору. Какие у тебя ощущения в связи с этим?

Голос его слегка дрожал, когда он начал говорить, но Кристин спокойно и внимательно смотрела на него, так что он постарался сосредоточиться на ней, а не на камере, которую видел боковым зрением, и после нескольких скомканных фраз голос зазвучал увереннее.

– Само собой, ощущения потрясающие. Я всегда мечтал стать писателем и увидеть, как эта мечта воплощается в жизнь, встретить такой теплый прием – это превзошло все мои ожидания.

– Издательство сделало на тебя ставку. Мы видим твое имя на больших постерах в окнах книжных магазинов, ходят слухи о первом тираже в пятнадцать тысяч экземпляров, а рецензенты сравнивают тебя с крупнейшими именами отечественной литературы. Не заставило ли это тебя потерять голову? – произнес Андерс Крафт, любезно улыбаясь ему.

Теперь Кристиан почувствовал себя увереннее, сердце вернулось в привычный ритм.

– Разумеется, для меня имеет огромное значение, что издательство верит в меня и готово продвигать мою книгу. А вот сравнение с другими писателями меня несколько смущает. Ведь у каждого из нас свой неповторимый стиль изложения.

Он уже ощущал под ногами твердую почву. Еще более расслабившись, почувствовал, что мог бы сидеть так и беседовать с телеведущими сколь угодно долго.

Но тут Кристин Касперсен взяла со стола какой-то предмет и повернула к камере. Кристиана снова прошиб пот. Это был субботний номер «Гётеборгской газеты», где его имя было набрано жирным шрифтом. В глаза ему бросились слова «смертельная угроза». Вода в стакане кончилась, и он несколько раз сглотнул, чтобы победить сухость во рту.

– В последнее время в Швеции знаменитые люди все чаще становятся объектом угроз. Но эта история началась до того, как ты стал известен в широких кругах. Как ты думаешь, от кого исходят эти угрозы?

Поначалу он захрипел и закашлялся, но потом выдавил из себя:

– Это явление в данном случае вырвано из контекста и раздуто до невероятных размеров. Всегда найдутся завистники или люди, страдающие психическими проблемами, которые... В общем, мне больше нечего добавить по этому поводу.

Он ощущал напряжение во всем теле и нервно вытер под столом потные ладони о брюки.

– Большое спасибо за то, что ты нашел время прийти к нам в студию и рассказать о своем уже ставшем знаменитым романе «Русалка».

Андерс Крафт поднес к камере книгу, и Кристиан с невероятным облегчением осознал, что все позади.

– Все прошло замечательно, – сказала Кристин Касперсен, собирая свои бумаги.

– Да, отлично, – проговорил Андерс Крафт и поднялся. – Извините, я должен идти в другую студию, где сейчас разыгрывают лотерею.

Мужчина в наушниках освободил Кристиана от микрофона, и тот тоже поднялся. Он поблагодарил и вышел вслед за помощником режиссера прочь из студии. Руки у него все еще тряслись. Они поднялись вверх по лестнице, прошли мимо стола с закусками к входной двери, которая вела на морозную улицу. Кристиан чувствовал себя разбитым и подавленным – совершенно не в том состоянии, чтобы встречаться с Габи в издательстве, как они договорились.

Пока такси везло его в сторону города, он смотрел в окно остановившимся взглядом, чувствуя, что полностью утратил контроль над ситуацией.

* * *

– Так-так, ну и как мы будем решать эту проблему? – произнес Патрик, глядя на лед.

Турбьерн Рюд, как всегда, не проявлял ни малейших признаков волнения. Он всегда сохранял непоколебимое спокойствие, какая бы сложная задача ни стояла перед ним. В своей работе в техническом отделе полиции Уддеваллы он привык находить решения для самых разнообразных проблем.

– Проделаем дырки во льду и вытащим его веревкой.

– А лед вас выдержит?

– У ребят будет все необходимое снаряжение, так что никаких проблем. Самый большой риск в этой операции – когда мы проделаем дырку во льду, парень может оторваться, и его унесет течением.

– А как избежать такого развития событий? – спросил Патрик.

– Нам придется для начала сделать небольшое отверстие и зацепить его крючьями, а потом уже сделать дырку побольше.

– Вам раньше доводилось такое проделывать? – спросил Патрик, по-прежнему ощущая некоторое беспокойство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.